

T.H. Молошная

**Грамматические
категории
глагола
в современных
славянских
литературных
языках**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Т.Н. Молошная

**Грамматические категории
глагола
в современных славянских
литературных языках**

Ответственный редактор
доктор филологических наук Т.М. Николаева

Москва
2001

Рецензенты:

доктор филологических наук *Т.В. Попова*

кандидат филологических наук *Ю.Е. Стемковская*

Монография посвящена глагольным категориям в славянских языках. Основное ее направление — систематизация традиционных описаний центральных морфологических категорий глагола, таких, как наклонение, пересказывание, время, таксис, вид, залог. Одновременно анализируются малоизученные и не всеми признаваемые морфологические категории результативности или актуализированности и репрезентации.

Источниками материала по большей части служат существующие нормативные грамматики современных русского, польского, чешского, болгарского, сербохорватского и в ряде случаев македонского и словацкого языков, а также специальные работы, в том числе собственные конкретные исследования автора.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Основные понятия грамматики (морфологии)	8
Глава 2. Грамматическая категория наклонения	15
Глава 3. Грамматическая категория пересказывания	37
Глава 4. Грамматические категории времени, таксиса и результативности, или актуализированности	42
Глава 5. Грамматическая категория вида	58
Глава 6. Грамматическая категория залога	69
Глава 7. Грамматическая категория репрезентации	77
Литература	89

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга посвящена обсуждению системы глагольных категорий славянских языков. Эта задача вполне актуальная, в современном языкознании интерес к основам морфологии не угасает, так как лингвистика до сих пор не располагает ни единой общепринятой терминологией, ни даже более или менее универсальной теоретической базой. Симптоматично, что за последнее десятилетие появилось немало значительных работ по морфологии, среди которых особенно выделяется совсем недавно опубликованная в русском переводе книга И.А. Мельчука "Курс общей морфологии" – последний вариант его давно подготовленного труда по грамматике языков различного строя.

В данной монографии предполагается произвести некоторый пересмотр традиционных трактовок таких морфологических категорий славянского глагола, как наклонение, пересказывание, время, таксис, вид, залог, и вместе с тем ввести определенную систему понятий, предназначенных для морфологических описаний. Здесь также будут проанализированы мало изученные и далеко не всеми лингвистами признаваемые грамматические категории "результативность, или актуализированность" и "репрезентация". Таким образом, основной задачей работы является не разыскание новых частных фактов в области славянского глагола, не эмпирические исследования, а определение взаимоотношений между известными в отдельности фактами, обобщение разрозненных наблюдений, установление закономерностей в уже зафиксированных явлениях. Иными словами, цель состоит не в собирании и описании конкретного материала, но в анализе и упорядочении уже известного материала, которого по большинству поставленных вопросов имеется огромное количество.

Соответственно источниками материала для настоящей монографии служат существующие грамматические описания современных славянских литературных языков – как нормативные грамматики, так и специальные исследования, в том числе результаты моих собственных исследований некоторых глагольных категорий. При этом приводимые примеры играют в основном иллюстративную роль – они помогают восприятию и пониманию теоретических построений. Фактически "Очерк грамматических категорий глагола в современных славянских литературных языках" объединяет в одно целое публиковавшиеся на протяжении более трех десятилетий разделы книг и отдельные статьи автора по проблемам грамматики (см. раздел "Литература"). Так, в главе "Грамматическая категория наклонения" ис-

пользуются материалы раздела "Синтаксические способы выражения косвенных наклонений в современных славянских языках" из коллективной монографии "Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках". То же относится к главам "Грамматическая категория пересказывания" и "Грамматические категории времени, таксиса и результативности, или актуализированности". Некоторые положения, которые легли в основу главы "Грамматическая категория вида", были изложены ранее в ряде статей 60–70-х годов. Однако другие части книги, например, "Грамматическая категория залога" написаны сравнительно недавно и не публиковались. Каждая глава снабжена библиографическим примечанием, в котором оговаривается ее соотношение с опубликованными работами.

Из сказанного ясно, что это книга смешанного жанра. Во-первых, в ней отражены некоторые результаты автора, опубликованные ранее или ранее не опубликованные. С этой точки зрения, книгу можно считать научной монографией. Во-вторых, здесь излагается большое количество сведений и результатов, принадлежащих другим лингвистам. С этой точки зрения, книга может рассматриваться как справочник. В-третьих, в книге материал представлен очень наглядным и простым (иногда даже несколько упрощенным, но вполне соответствующим интуиции носителя языка) образом. С этой точки зрения, книга может выступать в роли учебника для лиц, в известной степени знакомых с лингвистикой, в первую очередь, с грамматикой, а также с большинством славянских языков.

Следовало бы подробно осветить современное состояние морфологии как науки. Однако соответствующая литература столь обширна, что не может быть и речи о полном упоминании даже ключевых работ. Поэтому ограничиваюсь лишь минимумом ссылок.

Для рассмотрения привлекаются данные современных литературных русского, польского, чешского, сербохорватского, болгарского и – в ряде случаев – македонского и словацкого языков. Иногда приводятся также примеры из диалектов и разговорной речи. Поскольку перечисленные языки представляют все группы славянских языков (восточную, западную и южную), очевидно, можно считать охваченным весь славянский языковой ареал.

Проблема системы глагольных грамматических категорий естественно распадается на несколько вопросов:

1. Вопрос о составе грамматических категорий, т.е. о том, какие грамматические категории есть в славянских языках и каков их характер. Под грамматическими категориями здесь имеются в виду такие, которые

проявляются в противопоставлении форм одного и того же слова, а не в противопоставлении или различении слов.

В этом вопросе, как наименее выясненные, особое положение занимают категория залога и категория репрезентации (последняя выявляется в различии между личными и неличными формами, а также в противопоставлении их друг другу). До сих пор нет полной ясности относительно состава косвенных наклонений в таких языках, как болгарский и македонский (можно ли говорить о пересказывательном, адмиративном, дубитативном, а также об умозаключительном, или конклюдивном, наклонениях?). Не утвердилось окончательно представление о наличии в ряде славянских языков грамматической категории таксиса, отличной от категории времени. Только началась разработка проблем существования глагольной категории результативности, или актуализированности, в болгарском и других славянских языках.

Значительные неясности остаются в вопросе о синтетическом и аналитическом способах выражения различных глагольных категорий, например, категорий наклонения, времени и проч. Это связано с неясностью в определении сущности аналитических форм.

2. Важным является также вопрос о связях между отдельными грамматическими категориями. Имеется в виду то обстоятельство, что та или иная грамматическая категория регулярно выступает вместе с определенной другой грамматической категорией и оказывается несовместимой с известной третьей грамматической категорией, вследствие чего между грамматическими категориями глагола образуется своеобразная и достаточно сложная сеть отношений. Так, например, в русском и болгарском языках категория времени находится в специфических отношениях с категориями вида и наклонения (ср. совместимость несовершенного вида и несовместимость совершенного вида с настоящим временем в русском, совместимость обоих видов с настоящим временем в болгарском; неразличение категориальных форм времени в повелительном и сослагательном наклонениях обоих языков и проч.). Но есть и более сложные случаи. Эти проблемы еще предстоит исследовать, они требуют отдельного изучения, которое пока не удалось завершить.

В этом отношении очень актуальна сравнительно недавно вышедшая из печати монография "Межкатегориальные связи в грамматике" под редакцией А.В. Бондарко, в которой разработаны некоторые конкретные вопросы взаимодействия ряда грамматических категорий в языках различного строя. Наиболее интересным представляется раздел, написанный В.С. Храковским, где рассмотрены связи категорий наклонение и время, наклонение и вид,

наклонение и залог, наклонение и лицо, наклонение и число. В.С. Храковский считает наклонение центром изучаемых связей в сфере глагола как средоточие предикативности (Межкатегориальные связи. 1996, 22–43).

В настоящей книге я останавливаюсь почти исключительно на первом круге вопросов, именно, на выявлении системы грамматических категорий глагола в современных литературных славянских языках. Изучение их взаимодействий – задача следующего этапа описания морфологии славянского глагола, которое автору удалось лишь начать.

Глава 1

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ГРАММАТИКИ (МОРФОЛОГИИ)

Прежде всего представляется необходимым прояснить основные для данного исследования понятия – грамматическая категория, категориальная форма, грамматическая форма, аналитическая форма.

В современной лингвистике понятие грамматической категории считается как бы ясным, вместе с тем разные грамматисты нередко вкладывают в него разное содержание. Самое убедительное, на мой взгляд, толкование этому понятию дал А.И. Смирницкий (Смирницкий 1959, 6–10; 1957, 28–32). Он считает, что та или иная единица, имеющая только в высшей степени общее значение (например, время), представленное отдельными, объединяемыми и обобщаемыми в нем видовыми значениями (например, настоящее время, прошедшее время, будущее время), и выражающая это свое общее значение в систематическом противопоставлении различных форм, может быть определена как грамматическая категория языка. Таким образом, к числу грамматических категорий относятся такие единицы, как падеж, число, лицо, наклонение, время в русском, остальных славянских и ряде других языков. Из сказанного видно, что под грамматической категорией понимается некоторая материальная единица, а не только известное значение. И вместе с тем эта единица понимается не просто как определенный ряд форм, но как нечто общее, выделяемое в известных рядах форм и на основе своего значения и на основе того, что это значение выражается в этих рядах равным образом путем систематического противопоставления различных форм. Те формы, в противопоставлении которых выявляется данная грамматическая категория, суть разные формы этой категории (например, настоящее и прошедшее время). Напротив, те формы, которые относятся к данной категории, но не противопоставляются в ней, так как содержат одно и то же элементарное значение, представляют собой одну форму этой категории, или одну категориальную форму (настоящее время). А.И. Смирницкий показал, что:

1) Всякая грамматическая форма слова входит в какую-либо грамматическую категорию и представляет собой обязательно хотя бы одну категориальную форму.

2) Всякая грамматическая категория обязательно должна быть представлена по меньшей мере двумя категориальными формами, иначе она не может существовать. (Не может быть языка, в котором было бы, например, лишь одно будущее время).

3) Никакая категориальная форма не может участвовать во всех грамматических формах данного слова: если некоторая грамматическая характеристика присуща всему слову в различных его формах, то мы будем иметь дело не с грамматической, а с лексико-грамматической категорией. Так, во всех славянских языках, где существительное не изменяется по родам, но целиком относится к какому-то конкретному роду, такой категорией является род существительного.

4) В одной и той же словоформе могут соединяться (и почти всегда соединяются) различные грамматические категории (например, время, наклонение, залог, лицо, число).

5) Ни в какой словоформе не могут соединяться одновременно две категориальные формы одной и той же категории: не может быть формы двух разных времен, наклонений и проч.

В принципе очень близкое толкование грамматических сущностей, но с применением других терминов типа "граммема", "словоизменяемая категория" дал недавно И.А. Мельчук (Мельчук 1997). Он, как и А.И. Смирницкий, указывает на то, что граммемы выражают самые общие, абстрактные значения, что они характеризуются обязательностью и большой регулярностью выражения, отличаясь этими свойствами от словообразовательных значений.

А.И. Смирницкому принадлежит также формулировка и четкое обоснование понятия аналитической формы слова, имеющих важное значение при рассмотрении глагольных категорий (Смирницкий 1956; 1959, 62–85). В современных славянских языках существует два способа образования грамматических форм слова – синтетический и аналитический. Синтетический состоит в образовании форм слова посредством его изменения: *иду, идешь; пеку, печёшь; иду, шёл; пеку, пёк* и проч. Аналитическая форма, по Смирницкому, есть сочетание некоторого основного слова в определенной его форме с известным служебным словом; это словосочетание относится к основному слову, входящему в его состав, как особая грамматическая форма соответствующего слова. Например, бол. *ще чета* – это словосочетание, в котором *ще* является служебным словом (неизменяемой частицей), а *чета* – основным словом (в форме настоящего времени), все словосочетание относится к основному слову *чета* как особая грамматическая форма – форма будущего времени. При этом служебный компонент характеризуется макси-

мально ослабленным лексическим значением, а основное слово – ярко выраженным лексическим значением. Тот факт, что аналитическая форма есть сочетание слов, в котором каждый компонент является не корнем, не основой, но самостоятельным словом, подтверждается возможностью отделения компонентов друг от друга и свободой их перестановки в потоке речи, например, между *ще* и формой настоящего времени могут быть вставлены возвратные частицы, краткие формы личных местоимений и вопросительная частица *ли*: *ще се върна 'я вернусь', ще я чакаш 'будешь ее ждать', ще му го дам 'дам ему его', ще ли идеш там? 'пойдешь ли туда?'*.

Таким образом, аналитические формы выделяются из прочих словосочетаний тем, что они аналогичны не словам, а отдельным грамматическим формам слов. Вопрос заключается в том, при каких условиях некоторые словосочетания выделяются именно наподобие грамматических форм слов, входящих в их состав, т.е., например, словосочетание *ще чета* – наподобие форм презенса (*чета*), имперфекта (*четях*), аориста (*четох*).

Если словосочетание, являющееся аналитической формой, характеризуется тем, что выступает в качестве грамматической формы того слова, которое является в нем основным, то это значит, что такое словосочетание принадлежит к одной из грамматических категорий, свойственных данному слову. Иначе говоря, оно представляет некоторую категориальную форму, входящую в ту же категорию, в какую входит какая-либо иная категориальная форма, известная у этого слова. Так, аналитическая форма *ще чета* представляет категориальную форму будущего времени, которая наряду с формами презенса, имперфекта, аориста и проч. входит в категорию времени. Принадлежит к некоторой грамматической категории, характеризующей данное слово, аналитическая форма уподобляется по функции другим формам того же слова.

Что же заставляет аналитическую форму, являющуюся словосочетанием, функционировать как одно слово? Самым существенным здесь следует признать наличие простых, синтетических форм в той же грамматической категории, в какую входит данная аналитическая форма. Например, *ще чета*, несмотря на то, что это явное словосочетание, выступает как одно слово в силу того, что в этой же категории времени есть другие формы, являющиеся синтетическими – *чета*, *четях*, *четох*. То же наблюдается в случае рус. *буду читать* – *читаю* – *читат*; ср. также с.-х. *ћу певати* (будущее) – *певам* (презенс) – *певах* (имперфект) – *певах* (аорист).

Таким образом, условием функционирования свободных словосочетаний в качестве аналитических форм является вхождение этих словосочетаний в какую-либо грамматическую категорию, свойственную данным сло-

вам и представленную хотя бы в одной из ее категориальных форм простыми, синтетическими формами этих слов. Именно этот параллелизм с простыми, синтетическими формами делает словосочетание грамматической формой одного слова.

Но нельзя ограничиться констатацией лишь этого условия. Необходимо также выяснить, изолируются ли аналитические формы, наподобие синтетических, от простых словосочетаний. По своему значению словосочетания, выступающие в качестве аналитических форм, должны быть одновременно близкими к синтетической форме и далекими от прочих словосочетаний. Так, если взять форму будущего времени в болгарском языке *ще чета*, то, с одной стороны, значение времени, свойственное этому образованию, объединяет его с синтетическими формами времени (*чета, четах, четох*), а с другой – то же самое значение времени, поскольку оно присуще только данному сочетанию *ще чета* и отсутствует у других сочетаний типа *искам да чета* 'хочу читать', *мога да чета* 'могу читать', *имам да чета* 'мне предстоит читать' и проч., в которых имеются модальные значения желаний, оценки, долженствования и т.п., несвойственные сочетанию *ще чета*, – отделяет и изолирует *ще чета* от таких сочетаний.

Не все аналитические формы одинаково легко выделяются на фоне обычных словосочетаний – нередко к аналитическим формам относят модальные сочетания слов, которые таковыми не являются. Так, некоторые грамматисты считают, что сочетания частицы *пусть/пуסקай* с глагольными формами настоящего или будущего времени совершенного вида в русском языке (*пусть/пуסקай идет, пусть/пуסקай придут*) входят в парадигму глагола в качестве аналитической формы императива (АГ–70.416; Володин, Храковский 1985, 72). Однако большинство наиболее авторитетных русистов не признает за словосочетаниями с *пусть/пуסקай* статуса аналитических форм глагола. В.В. Виноградов называет эти словосочетания императивными только содержательно (Виноградов 1938, 458). Кроме того, В.В. Виноградов указывает, что частица *пусть/пуסקай* (так же как просторечно-областное *пуцай*) образовалась из глагола, и ее полному превращению в служебный элемент мешает широкое развитие соотносительных модальных значений у полнозначного глагола *пускать* и словосочетаний с ним (Виноградов 1975, 53–89). П.С. Кузнецов также не видит аналитической формы в сочетании настоящего или будущего времени с *пусть/пуסקай* (Кузнецов 1952, 287). А.В. Исаченко считает, что включение сочетаний с *пусть/пуסקай* в число императивных грамматических форм объясняется недостаточно четким разграничением понятий "повелительное наклонение" (одно из морфологически выраженных наклонений) и "побудительная модальность". Соче-

тания рассматриваемого типа в русском языке он относит к свободным синтаксическим конструкциям, в которых частица *пусть/пускай* соединяется с формами индикатива (Исаченко 1960, 477). Эту трактовку сочетаний с *пусть/пускай* разделяют также авторы Русской грамматики–80 (РГ–80, I, 622–623), говоря о регулярно образующихся сочетаниях слов, а не об аналитических формах. Известно, что частица *пусть/пускай* может соединяться с формами всех лиц и чисел, а не только с теми, которые не располагают синтетическими формами императива¹: *Уж не мешайте, пусть я скажу* (Гоголь); *...пусть вы только придете и покажетесь на пороге* (Достоевский) и проч. Из этого можно сделать вывод, что данные словосочетания по своей природе ближе к сочетаниям слов, которые называют аналитическими конструкциями², а не к аналитическим формам слов. Кроме того, в сочетаниях с *пусть/пускай* значение побуждения перекрещивается с собственным лексическим значением глагола *пускать*, из которого произошла данная частица. Например, предложение *Пусть себе уходит* может выражать, так сказать, невмешательство, дозволение. Известны также случаи самостоятельного употребления частицы *пусть/пускай* в таком значении: *Ну и пусть!*; *Пускай себе!* или *Пускай!* и проч. Таким образом, хотя словосочетания с частицей *пусть/пускай* бесспорно находятся в известном содержательном и функциональном соответствии с синтетическими формами императива, признать эти сочетания аналитическими формами, т.е. отнести к данной морфологической категории нет достаточных оснований.

Говоря об условиях включения словосочетаний в ту или иную грамматическую категорию, целесообразно различать два случая.

1. Существуют по меньшей мере две категориальные формы, представленные синтетическими словоформами; тем самым некоторая категория уже имеется независимо от того, есть ли какая-либо аналитическая форма, представляющая ее, или нет. Так, категория времени у глагола в русском и других славянских языках имеется независимо от того, являются ли словосочетания *буду работать*, бол. *ще чета*, с.-х. *ћу певати*, пол. *będe czytal/będe czytać*, чеш. *budu nęst* аналитическими формами, выражающими категорию времени, или нет – категория времени конституируется в этих языках уже наличием по крайней мере двух синтетических представленных категориальных форм (настоящего времени, прошедшего времени и будущего времени совершенного вида). То же относится к категории наклоне-

¹ К числу синтетических форм императива относятся формы 2-го л.ед. и мн.ч. и 1-го л.мн.ч.: *иди, идите, идем/идемте*.

² Об аналитических конструкциях см. Арутюнова 1965.

ния, которая сформирована синтетическими формами индикатива и императива (*пишу* и *пиши!*); для ее констатации не обязательно, чтобы существовал аналитический императив и аналитическое сослагательное (условное) наклонение (*писал бы*).

2. Имеется только одна серия синтетических форм, которая может представлять некоторую категориальную форму лишь при условии, что существуют словосочетания, выступающие в качестве аналитической формы, репрезентирующей другую категориальную форму той же грамматической категории. В этом случае само существование данной грамматической категории зависит от того, являются ли рассматриваемые сочетания со служебными словами аналитическими формами соответствующих основных слов, или нет. Так, например, обстоит дело в случае категории пересказывания в болгарском языке. Среди синтетических форм болгарского глагола нет таких двух форм, которые различались бы в плоскости пересказывательности/непересказывательности и только в этой плоскости. Категория пересказывания устанавливается лишь при условии, что сочетания изменяемой формы глагола *съм*, который в 3-м л.ед. и мн.ч. обязательно опускается, с причастием, характеризующимся морфемой *-л*, от основного глагола (*ходел съм*, *ходел си*, *ходел*) представляют собой не просто словосочетания, но аналитические формы соответствующих основных глаголов. Если *ходел съм* и т.д. есть аналитическая форма глагола *ходя*, то она неизбежно вступает в определенное отношение и взаимодействие с синтетической формой *ходя*, которая отличается от нее только по одной линии, совпадая по всем другим. Это соотношение по линии пересказывательности/непересказывательности. Тогда в словоформах *ходя* и *ходел съм* (поскольку последняя оценивается как аналитическая форма) представлены две разные категориальные формы, которые в их единстве образуют категорию пересказывания в системе болгарского глагола. Если же *ходел съм* не выделяется как аналитическая форма глагола *ходя*, то грамматическая категория пересказывания в системе болгарского глагола не реализуется.

Рассмотренные случаи соотношений типа бол. *ходя* – *ходех* – *ходих* – *ще ходя* и типа бол. *ходя* – *ходел съм* существенно различны: в первом случае словосочетанию *ще ходя* достаточно присоединиться к уже существующей грамматической категории времени, во втором же – грамматическая категория пересказывания должна быть образована на основе специфического сближения словосочетания *ходел съм* с определенной синтетической формой глагола.

Итак, некоторые словосочетания связываются с синтетическими формами определенной грамматической категории и включаются в парадигму данного слова в качестве категориальной формы этой грамматической категории. Такие словосочетания функционируют как аналитические формы слова.

Еще раз подчеркну, что структурно аналитическая форма продолжает оставаться свободным соединением слов, которые объединены по определенным синтаксическим правилам. Но функционально это сочетание выступает наряду с синтетическими формами в качестве одной из категориальных форм какой-либо грамматической категории и выполняет роль формы слова.

Рассмотрев общие условия существования аналитических форм, А.И. Смирницкий (Смирницкий 1959, 82–83), сделал следующие выводы.

1. Не может быть грамматической категории, представленной лишь одними аналитическими формами, ибо само выделение аналитической формы основывается на параллелизме с синтетическими формами. Отсюда, например, неправильно было бы относить к аналитическим формам времени или наклонения сочетания с модальными глаголами типа бол. *искам да чета, мога да чета, имам да чета*, так как в языке нельзя найти синтетические формы, вместе с которыми данные словосочетания могли бы выступать как категориальные формы одной грамматической категории.

2. Между свободными словосочетаниями и аналитическими формами могут быть переходные случаи, что и создает некоторую нечеткость границ между аналитическими формами и свободными словосочетаниями. Это особенно характерно для модальных сочетаний, примеры которых приводились в связи с обсуждением предполагаемых аналитических форм императива.

Поскольку в одной и той же словоформе могут соединяться разные грамматические категории, выражаемые разными способами (как синтетическим, так и аналитическим), конкретная грамматическая форма слова может быть по линии одной категории формой синтетической, а по линии другой – аналитической. Кроме того, одна аналитическая форма может наслаиваться на другую, образуя сложные аналитические формы. Так, болгарская словоформа *е писан* является синтетической по линии категории времени (презент), а по линии категории залога (пассив) – аналитической; в такой форме, как *ще пише*, наоборот, значение залога (актив) выражается синтетически, значение же времени (будущее) – аналитически. Наконец, если взять словоформу *ще е писан*, то здесь аналитичность проявляется дважды – в категории залога (пассив) и в категории времени (будущее).

Глава 2

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ*

Здесь принимается, по П.С. Кузнецову (Кузнецов 1952, 283–292), что категория наклонения выражает отношение действия (или состояния) к действительности. Поскольку наклонение является одной из форм выражения сказуемых отношений, более точным будет определить наклонение как грамматическую категорию, выражающую отношение к действительности не самого действия, а той связи, которая устанавливается в предложении между действием и субъектом, производящим это действие, или между состоянием и субъектом, испытывающим это состояние. Некоторые лингвисты рассматривают категорию наклонения как категорию субъективную, т.е. выражающую отношение действия к действительности с точки зрения говорящего, но это лишь частный случай данных отношений (ср. умозаключительное наклонение в болгарском языке).

Во всех славянских языках категория наклонения имеет категориальные формы прямого и косвенных наклонений. И по значению, и по морфологическому строению эти формы категории наклонения находятся не в одинаковых отношениях друг к другу. Косвенные наклонения указывают на то, что действия в действительности нет, но оно или должно произойти или могло бы произойти при известных условиях, т.е. косвенные наклонения сигнализируют нереальность действия. Между тем в индикативе нет эксплицитных указаний на реальность или нереальность действия, поэтому индикатив может выражать наряду с действиями, представленными как реальные, действия, представленные как возможные или невозможные. Это немаркированный член оппозиции, сигнализирующий лишь отсутствие признака, характерного для косвенных наклонений. С морфологической точки зрения косвенным наклонениям свойственны определенные формальные показатели, например, в русском языке – специальные аффиксы для форм императива¹, частица *бы* для форм сослагательного наклоне-

* См. подробнее: *Молошина Т.Н.* Синтаксические способы выражения косвенных наклонений в современных славянских языках // *Иванов Вя.Вс., Молошина Т.Н., Головачева А.В., Шевникова Т.П.* Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М., 1995. 60–120.

¹ Употреблен термин "императив", чтобы избежать обсуждения вопроса о том, что лучше – "повелительное", "побудительное", "опативное" и проч. наклонение. В современной лингвистической литературе этот термин весьма распространен.

ния². В индикативе же его категориальное значение выявляется не самостоятельно, а в формах категории времени.

ИМПЕРАТИВ

Однако дихотомического деления наклонений на косвенные и прямое недостаточно для характеристики всей системы наклонений. Необходимо ввести еще хотя бы один дифференциальный грамматико-семантический признак, ибо разные косвенные наклонения по-разному выражают нереальность действия. Так, призывная модальность императива, заключающаяся в непосредственном волеизъявлении с целью побудить слушателя или собеседника к определенному действию, предполагает обязательное наличие двух лиц, участвующих в речевом акте, который является в таком случае ситуацией императивного обращения. Этими лицами являются только 1-е и 2-е; 3-е лицо исключается из семантики императивной формы. Вводя, таким образом, второй признак "ограниченность действия рамками 1-го и 2-го лица выражена" для противопоставления разных членов категории наклонения, можно представить систему наклонений (в русском и ряде других славянских языков) по следующей предложенной А.В. Исаченко схеме (Исаченко 1960, 474).

Таблица

Нереальность действия	Ограниченность действия рамками 1-го и 2-го лица	
	Выражена	Не выражена
Выражена	императив: <i>(на)пиши'</i> <i>(на)пишите'</i> <i>(на)пишем'</i>	сослагательное наклонение: <i>я бы (на)писал</i> <i>ты бы (на)писал</i> <i>он бы (на)писал</i> и т.д.
Не выражена		индикатив: <i>я (на)пишу</i> <i>ты (на)пишешь</i> <i>он (на)пишет</i> и т.д.

² Из разных названий этого косвенного наклонения ("условное", "потенциальное", "желательное" и проч.) предпочтительным представляется "сослагательное". Преимуществом этого термина является его отвлеченность: он не описывает значение данной формы, а лишь условно ее называет.

Для языков, в которых косвенных наклонений больше, чем в русском, например, для болгарского, где можно различать еще, по крайней мере, одно наклонение – умозаключительное, приведенная схема должна быть усложнена (см.с.36), но дифференциальный признак "ограниченность действия рамками 1-го и 2-го лица выражена" остается необходимым для выявления императива, который имеется во всех славянских языках.

Как видно из обсуждаемой схемы, в индикативе и сослагательном наклонении ограниченность действия рамками 1-го и 2-го лица не выражена, поэтому в этих наклонениях свободно образуются формы 3-го лица обоих чисел. К императиву, кроме форм 2-го лица обоих чисел, относится также форма 1-го лица множественного числа (*напишем/напишемте*), называемая обычной формой совместного действия; в ней побуждение адресуется и к собеседнику/собеседникам и одновременно к говорящему. В действии, к которому А призывает собеседника В, примет участие и сам А: *напишем!* (ты + я), *напишемте!* (вы + я). Обычная форма 1 л. мн.ч. (*мы*) *напишем* собеседника не включает.

Индикатив является немаркированным членом обеих оппозиций, в результате он и может выражать различные модальные значения, в том числе побудительные, с помощью лексических, лексико-грамматических и интонационных средств. Ср., например, выражение запрета производить действие в форме будущего времени совершенного вида индикатива при использовании соответствующей интонации (*Ты никуда не поедешь!*).

Надо сказать, что в языкознании до сих пор нет единого мнения относительно состава и строения парадигмы императива. Разногласия по этому вопросу определяются тем, что разные авторы не одинаково трактуют значение императива – принимают более узкое или более широкое его толкование. Сравним определение семантики императивных форм, предложенное Ю.Д. Апресяном: "Говорящий сообщает адресату, что он хочет, чтобы адресат сделал Р, и пытается каузировать адресата сделать Р самим фактом этого сообщения" (Апресян 1988, 269; см. также Вержбицка 1985, 256), и формулировку Л.Бирюлина и В.Храковского: "... желая исполнения Р, говорящий сообщает слушающему, кто должен быть исполнителем Р, и пытается каузировать выполнение Р самим фактом этого сообщения" (Бирюлин, Храковский 1991,27; Бирюлин, Храковский 1992). Теоретической базой для первого подхода служит представление, что "приказ можно направить только адресату в процессе коммуникации. Тот или те, с кем у говорящего нет коммуникации, не могут быть адресатами, а следовательно, приказ как информационный стимул, предполагающий реакцию, не может реализоваться" (Мартынов 1982, 119). Вторая формулировка основана на утверждении, что

"Исполнителем действия Р может быть говорящий (я), слушающий (ты), слушающие (вы), лицо, не участвующее в коммуникативном акте (он/она), лица, не участвующие в коммуникативном акте (они), а также все теоретически возможные комбинации перечисленных участников коммуникативного акта. Всего существует 17 теоретически допустимых наборов исполнителей каузируемого действия" (Бирюлин, Храковский 1991, 48). Итогом этих разногласий относительно семантики императива является выделение четырех разновидностей императивной парадигмы: 1) только формы 2 л. ед. и мн. ч.; 2) формы 2 л. и форма 1 л. мн. ч. (форма совместного действия); 3) формы 2 л., 1 л. мн. ч. и 3 л.; 4) формы 2 л., 1 л. мн. ч., 3 л. и 1 л. ед. ч.

Оригинальная трактовка императивной парадигмы, отличающаяся и по теоретическим установкам, и по аспектам исследования от концепции В.С. Храковского, А.П. Володина и Л.А. Бирюлина, предложена И.Б. Долининой. Она утверждает, что парадигма императива – это ряды не глагольных словоформ (как у глагольных категорий), а ряды конструкций (некоторые из которых могут быть представлены и словоформами, обладающими статусом законченного высказывания, как например, в рус. *Иди!*; *Пойте!* и т.п.) (Долинина 1992, 275–284).

Всеми лингвистами признается, что формы 2-го лица являются для императивной парадигмы центральными. Что касается форм 3-го лица, то большинство грамматистов, на труды которых я опираюсь (Виноградов 1938; 1947; Кузнецов 1952; Исаченко 1960, 1957; Якобсон 1972; Бондарко, Буланин 1967 и др.), не считают их собственно императивными, ибо они выражают не императивное значение в строгом смысле, а пожелание (либо приказ) говорящего, чтобы кто-то третий (не адресат сообщения) выполнил некоторое действие. Форма 1 л. ед.ч. может иметь побудительную семантику, но никто, кроме Н.С. Трубецкого (Troubetzkoу 1975, 233), не признавал ее императивной формально. В последнее время к точке зрения Н.С. Трубецкого присоединились В. Лефельдт, А.П. Володин, В.С. Храковский и Л.А. Бирюлин (Lehfeldt 1979; 1981; Володин, Храковский 1985; Храковский 1990; Бирюлин, Храковский 1991; 1992), включившие в парадигму императива и формы 3 л., и форму 1 л. ед.ч. типа *дай/давай спюю*, *дайте/давайте спюю*. Справедливо расценивая все концепции императива как разновидности двух подходов к парадигме – функционального и формального, названные авторы придерживаются чрезвычайно расширительного функционального подхода, при котором фактически не различаются грамматические, лексико-грамматические, лексические и прочие явления. Между тем, во-первых, при формальном подходе, на позициях которого я стою, всегда

принимаются во внимание и функциональные соображения; во-вторых, при функциональном подходе не должны отождествляться грамматические и неграмматические средства языка. Ср. теорию функциональной грамматики А.В. Бондарко, в которой каждое функционально-семантическое поле имеет ядро, представленное соответствующей морфологической категорией и выражаемое грамматическими формами, и периферию, представленную различными неморфологическими (лексическими, словообразовательными, синтаксическими и прочими) категориями и формами (см. Бондарко 1967; 1971; 1976; 1984; 1987; 1990).

Итак, в данной работе принимается, что императив входит в число косвенных наклонений, выражающих нереальность действия. Среди косвенных наклонений он выделяется тем, что обозначаемое им действие ограничено рамками 2-го лица обоих чисел и 1-го лица множественного числа. При этом императив, в отличие от других косвенных наклонений, характеризуется отсутствием подлежащего в предложении – представление о лице обязательно заключается в самой форме глагола.

В славянских языках имеются синтетические формы императива: форма 2 л. ед.ч., форма 2 л. мн.ч. и форма 1 л. мн.ч. (так наз. форма совместного действия). В значении 1 л. мн.ч. императива может использоваться также форма 1 л. мн.ч. настоящего времени или простого будущего времени: *возьмем, вынесем, ляжем*. В болгарском и македонском языках нет синтетической формы 1 л. мн.ч. Этим данные языки отличаются от всех других славянских. В серболужицких языках, наоборот, парадигма императива шире за счет двойственного числа: 2 л. ед.ч. *pij*; 2 л. мн.ч. *pijće*, 2 л. дв.ч. *pijtaj (-tej)*, 1 л. мн.ч. *pijtu*, 1 л. дв.ч. *pijtoj*.

В лингвистической литературе неоднократно подчеркивался агглютинативный характер славянского императива. Агглютинация сказывается здесь в том, что формы 2-го и 1-го лиц мн.ч. образуются не самостоятельными окончаниями, присоединяемыми непосредственно к основе, а присоединением аффиксов рус. *-те*, (чеш. *-te*, пол. *-cie*), с.-х. *-мо* (чеш. *-те*, пол. *-ту*) к готовой форме 2 л. ед.ч. или 1 л. мн.ч. Таким образом, императивная форма типа рус. *идите* или с.-х. *тресимо* имеет по два окончания: *-и* и *-те*, *-и* и *-мо*. В русском языке к императиву возвратных глаголов присоединяется еще аффикс *-ся/-сь*: *запишись, запишитесь*; ко всем формам императива может быть присоединена также частица *-ка*: *запишись-ка, запишитесь-ка*. Подробно об агглютинативных приемах в императивном формообразовании русского глагола писал А.В. Исаченко (Исаченко 1960, 482–483). Р.О. Якобсон считал частицу *-ка* аффиксом особого побудительного наклонения (Якобсон 1972, 105). Однако А.В. Исаченко показал, что все императивные

формы с частицей *-ка*, кроме I л. ед. ч. типа *посмотрю-ка*, являются не парадигматическими формами, а сочетаниями глагольной формы с частицей, в которых характер приказания смягчен, поэтому нет оснований выделять побудительное наклонение. Правильнее говорить о специализированной побудительной форме I л. ед. ч., значение которой приближается к собственно императивному – побуждение, выраженное данной формой, относится к самому говорящему. Говорящий здесь является одновременно и автором, и адресатом призыва. Но форма I л. ед. ч. с частицей *-ка* (*напиши-ка*) несомненно отличается от собственно императивных форм типа *напиши* (Исаченко 1960, 491).

Отрицательный вариант синтетических повелительных форм во всех рассматриваемых языках содержит препозитивную отрицательную частицу *не* (*ne*, *nie*): рус. *не кричи, не приходите, не пойдём*; бол. *не чети, не ходете*; мак. *не решавај, не кажете*; с.-х. *не гледај, не плачите, не држимо*; чеш. *neber, nekuřujte, nevezměte*; пол. *nie pisz, nie bierzcie, nie śmieją się*.

В большинстве славянских языков глагольные виды употребляются в императиве в соответствии с их общим грамматическим значением: рус. *Пиши почаще!*, *Напишете ему письмо!*; пол. *Wróć do domu!*, *Powróćmy do Pana Tadeusza!*. В сочетании с отрицанием грамматическое значение глагольных видов дает несколько иные модальные оттенки. Так, отрицательная форма императива несовершенного вида типа *Не пиши!* *Не открывай!* выражает запрет, относящийся к действию, или уже совершенному к моменту речи, или непосредственно предстоящему. Форма императива совершенного вида типа *Не упади!*, *Не простудись!* употребляется в тех случаях, когда говорящий хочет помешать осуществлению действия в будущем, хочет предупредить собеседника. Это значение не запрета, а предупреждения (Исаченко 1960, 459; Храковский 1988).

Интересно, что для всех славянских языков считается характерным более частое употребление несовершенного вида в императиве с отрицанием. Однако совершенный вид со значением предупреждения возможен не только в русском, но и в польском (*Nie zrób tego!* ‘Не сделай этого!’), чешском (*Nezlom si nohu!* ‘Не сломай ногу!’), сербохорватском (*Не убиј!* ‘Не убей!’), македонском (*Не умри!* ‘Не умри!’). Обычно утверждают, что в болгарском языке императивное отрицание возможно только от глаголов несовершенного вида: *Не седай*. Большинство грамматистов полагает, что такие формы, как *Не влез*, не употребляются. Единственным исключением, отмечаемым во всех грамматиках, является выражение *Не дай боже!* Но здесь форма *дай* осталась по традиции – некогда она имела значение несовершенного вида (Грамматика 1983, 369). В то же время в случае составной формы

императива (*да* + наст.вр.), о которой речь пойдет ниже, совершенный вид вполне допустим: *Да не паднеш!* ‘Не упади!’, *Да не се разболееш!* ‘Не заболей!’, *Да не изгорите на слънцето!* ‘Не обгорите на солнце!’, *Да не си извади окото!* ‘Не выколи себе глаз!’, *Да не ме осрамиш пред гостите!* ‘Не осрами меня перед гостями!’ (Пете 1991, 17–21). Эти отрицательные императивные словосочетания имеют упомянутое значение предупреждения. Напомню, что Ю.С. Маслов расценивал глагольные сочетания с *да* как конъюнктив (Маслов 1981, 280). Соответственно, он считал, что значение предупреждения в болгарском языке выражается с помощью отрицательной формы конъюнктива. Эта точка зрения не нашла поддержки у большинства болгаристов (ср. Попов 1976, 383; Граматика 1983, 367).

Достаточно часто в лингвистической литературе встречаются утверждения о существовании, кроме синтетических форм, также и аналитической формы императива, т.е. об использовании синтаксических средств для выражения морфологической категории наклонения. Имеются в виду сочетания глагольных форм с различными модальными побудительными, запретительными и проч. частицами. Так, в русском языке аналитическими формами императива нередко объявляют сочетания глагольных форм не только с побудительной частицей *пусть/пускай*, но и с частицами *да, давай/давайте, дай/дайте, айда/айдайте*.

Выше было показано, что хотя синтетические формы императива бесспорно находятся в известном содержательном и функциональном соответствии с сочетаниями, включающими частицу *пусть/пускай*, признать эти сочетания аналитическими формами императива, т.е. отнести к морфологии, нет достаточных оснований.

Относительно глагольных сочетаний с частицей *да* в русском языке вопрос вполне ясен. Эта частица, употребляемая перед формой настоящего времени изъявительного наклонения в повелительном значении, является архаизмом, унаследованным из старославянского. Сочетания подобного типа встречаются преимущественно в классической поэзии: *Да ведают потомки православных | Земли родной минувшую судьбу* (Пушкин). В современном языке свободного употребления частицы *да* почти не наблюдается. Остатками старославянской модели являются окаменелые восклицательные предложения, в состав которых входят сочетания *да здравствует, да будет* и ряд других.

Некоторые грамматисты признают аналитическими формами императива сочетания частицы *давай/давайте* с инфинитивом или с I л. мн.ч. будущего времени совершенного вида (см. АГ–70, 416; РГ–80, I, 622; Исаченко 1960, 485–489; Володин, Храковский 1985, 69). Однако другие исследова-

дователи, например П.С. Кузнецов (Кузнецов 1952, 288), с этим не соглашаются. Следуя П.С. Кузнецову, я также отношу сочетания с *давай/давайте* и *дай/дайте* к числу аналитических конструкций, или свободных синтаксических сочетаний слов, имеющих модальное значение побуждения. В первую очередь это касается форм 3-го лица обоих чисел и 1-го лица единственного числа, которые вообще не могут быть включены в парадигму императива, поскольку в них нет грамматического категориального значения императива – не выражено непосредственное обращение к адресату в процессе коммуникации с целью побудить его к совершению действия. В формах остальных лиц и чисел (2 л. и 1 л. мн.ч.) с *давай/давайте* категориальное значение императива в той или иной степени перекрещивается с оттенками собственного лексического значения глагола *давать*, из которого произошла эта частица. Конечно, *давай/давайте* не сохраняет полностью значения глагола *давать*; как всякое служебное слово (даже если считать его не частицей, а глагольной формой), оно ослабляет, в значительной степени утрачивает свое исходное лексическое значение, но остаточные моменты значений ‘предоставления’, ‘позволения’ все же ощущаются. Отмечается также наличие дополнительного оттенка ‘призыва или просьбы дать возможность сделать что-либо, обращенных к тому, кому адресована речь’, в сочетаниях с *дай/дайте*. Эта отягощенность дополнительной семантикой глагольных сочетаний с *давай/давайте* и *дай/дайте* ярко ощущается при их сопоставлении с синтетическими формами императива, в которых нет ничего, кроме грамматического императивного значения. Так что, глагольные словосочетания с частицами *давай/давайте* и *дай/дайте*, как представляется, хотя и находятся в своего рода контакте с синтетическими императивными формами, все же не могут быть признаны грамматическими формами наклонения, т.е. не могут быть отнесены к аналитическим средствам морфологии. Это синтаксические грамматические средства.

В русской разговорной речи и особенно в просторечии побуждение к совместному действию может выражаться сочетаниями междометия *ай-да/айдайте* с инфинитивом или с формой 1 л. мн.ч. будущего времени совершенного вида: *Айда гулять!*, *Айда погуляем!*. Эти сочетания не являются регулярно образуемыми и часто употребляемыми, их семантические особенности (значение побуждения не к любому действию, а только к движению), отличающие их от синтетических форм императива, очевидны. Поэтому вопрос о статусе аналитической формы для этих словосочетаний не может и ставиться.

Примерно в таком же положении, как русские глагольные сочетания с побудительными частицами, находятся чешские сочетания частиц *ať*, *necht'*

и *kéž* с 3-м л. ед. и мн.ч. настоящего времени (*Ať už nám koněčně naprší!* 'Пусть в конце концов у нас пойдет дождь!', *Nechť si dělá, co chce* 'Пусть он делает, что хочет', *Kéž se objeví!* 'Пусть бы он объявился!')³; польские сочетания частицы *niech* (*niechaj, niechże, niechajże* с личными формами, преимущественно с 3-м л. ед. и мн.ч. настоящего или простого будущего времени (*Niech oni tu nie przychodzą* 'Пусть они сюда не приходят')⁴; сербохорватские сочетания с побудительными частицами *da* и *neka* и личными формами настоящего времени (*Da ne zakasni!* 'Не опоздай!', *Neka se istuни наша же.ља!* 'Пусть исполнится наше желание!'). В болгарском языке сочетания частиц *да* и *нека* с глагольными формами 2-го л. ед. и мн. ч., а также отрицательно-запретительной частицы *недей/недейте* с так наз. инфинитивными формами представляются находящимися ближе к аналитическим формам императива, чем конструкции с модальными частицами в других славянских языках. Это можно утверждать, во-первых, из-за отсутствия в болгарском синтетическом императиве для 1-го л. мн.ч. – словосочетание *да(нека)* + 1-е л. мн.ч. настоящего времени занимает его место; во-вторых, из-за очень большой частотности употребления императивных сочетаний с частицами, которая поддерживает грамматический характер этих сочетаний (ср. отступление отрицательных синтетических форм типа *не тиши* перед натиском сочетаний типа *недей тиша, недей да тишеи!*); в-третьих, из-за того, что собственное лексическое значение частиц *да, нека, недей/недейте* в значительной степени стерлось – они в большей мере, чем другие частицы, функционирующие в императивной сфере, приблизились к положению служебных слов. В качестве формального признака отнесения *недей* к служебным, а не полнозначным словам может быть приведен тот факт, что эта частица порвала связь с соответствующим глаголом, такой глагол самостоятельно не встречается. В результате представляется возможным утверждать, что перечисленные болгарские сочетания глагольных форм 2-го л. ед. и мн. ч. и 1-го л. мн.ч. с частицами *да, нека* и "инфинитива" с *недей/недейте* являются не аналитическими конструкциями с модальным побудительным значением, а скорее аналитическими формами императива, располагаясь в одном ряду с императивными синтетическими формами (подробнее анализ

³ Для чешских сочетаний характерна сильная эмоциональная окрашенность и осложненность разного рода оттенками значения желательности, гипотетичности. Это показывает, что даже в семантическом плане они не полностью включаются в грамматическую категорию наклонения.

⁴ Яркой особенностью польского языка является замена лиц в словосочетаниях с частицей *niech* – вместо 2-го лица используется 3-е со словами *pan, państwo* (*Niech pan chwile poczeka* 'Подождите минуту', *Niech państwo usiądq.* 'Садитесь').

глагольных побудительных сочетаний с частицами см. Молошная 1995, 60–150).

В русском языке нет специальных аналитических конструкций, выражающих отрицательное императивное значение, т.е. запрет, предупреждение и проч. То же характерно для современных польского и чешского и отличает перечисленные языки от сербохорватского, болгарского и македонского.

В сербохорватском языке отрицательное императивное значение может выражаться сочетаниями частицы *немој* (для 2-го л. ед.ч.) /*немојте* (для 2-го л. мн.ч.) /*немојмо* (для 1-го л. мн.ч.) и инфинитива или инфинитивной конструкции с частицей *да*: *Немојте се пренемагати, немојте плакати* ‘Не надо падать духом, не надо плакать’; *Бежи, немој да се срамиш пред том Швабом* ‘Беги, не надо позориться перед этим немцем’. Известно, что отрицательная форма императива выражает в первую очередь запрет производить действие. Данная же составная конструкция с отрицанием передает запрет, смягченный по сравнению с синтетической формой отрицательного императива. В рассматриваемых конструкциях довольно отчетливо ощущается наличие у частицы *немој/немојте/немојмо* дополнительных к категориальному императивному значению оттенков увещания. Кроме того, данная частица может употребляться самостоятельно, без основного глагола, что подтверждает сохранение у нее собственного лексического значения глагола *моћи*, из которого она произошла: *Немој, брате, бар док се не врати!* ‘Не надо (= “не могли”), брат, по крайней мере, пока он не вернулся!’. Заметим, что, хотя в сербохорватском языке продолжает существовать полнозначный глагол *моћи*, между ним и частицей в современном языке развились фонетические различия – в частице произошло фонетическое упрощение: *не мози – немој*.

В болгарском языке также имеется аналитическое образование, состоящее из повелительной формы вспомогательного глагола *недей/недейте* (букв. ‘не делай/не делайте’) и “инфинитивной” формы (“сокращенного инфинитива”) основного глагола: *недей ходи, недей игра – недейте ходи, недейте игра* и проч., так же, как и синтетический императив с отрицанием, выражающее значение запрета. Эти сочетания вполне употребительны, они используются не реже, чем простые формы с *не*. Например, *Недей расправя, страх ме е от тебе* ‘Не рассказывай, я тебя боюсь’; *Чувай, недейте убива, синко!* ‘Слушай, не убивайте, сынок!’. В разговорной речи инфинитив в их составе часто заменяется на *да* + личная форма настоящего времени: *недей да пишеш, недейте да пишете*. Некоторые исследователи считают, что в современном болгарском языке словосочетания с *недей/недейте*, особенно в

варианте, включающем *да*, стали более употребительны, чем простая отрицательная форма. Ряд *не пиши – недей писа – недей да пишеш* приводится как иллюстрация развития аналитизма в болгарском языке (Orzechowska 1977 со ссылкой на Геннадиева-Мутафчиева 1970). Однако полного равенства между отрицательной синтетической формой императива и описательной конструкцией все же утверждать нельзя, так как последняя выражает смягченную, более вежливую форму запрета. Это скорее совет, увещевание (Станкевич 1974; Orzechowska 1974).

Как уже упоминалось, считается, что императивное отрицание, выраженное синтетически, возможно в болгарском языке только от глаголов несовершенного вида. Единственным исключением, непременно упоминаемым во всех грамматиках, является восклицательное выражение *Не дай боже!*. Однако в разговорной речи существуют и другие исключения, обычно они связаны с транспозицией императива (см. Иванова 1963; Попова, Ницолова 1978).

Заметим, что в сербохорватском языке совершенный вид глагола допускается и в синтетической императивной форме и в составной прохибитивной конструкции: *немој написати, немој да напишеш*. Но несмотря на принципиальную допустимость употребления совершенного вида в отрицательных императивных формах южнославянских языков, тенденция развития этих языков – устранение совершенного вида из сферы императива с отрицанием. Данное утверждение не относится к словенскому языку, который в этом отношении ближе к остальным славянским (Ивић 1958; 1960; Георгиев 1934, 1–88; Зенчук 1971).

Какие общие выводы можно сделать после рассмотрения императивных глагольных словосочетаний с частицами в разных славянских языках?

1. Такие словосочетания весьма многочисленны и разнообразны (отмечается большое количество различных императивных частиц).

2. Значительная их часть довольно частотна, лишь некоторые изолированные.

3. В их состав входят глагольные формы всех лиц и чисел, в том числе 3 л. ед. и мн.ч. и 1 л. ед.ч., которые я, вслед за наиболее авторитетными грамматистами, не включаю в парадигму императива. Следовательно, хотя бы только по этой причине невозможно признать такие словосочетания императивными аналитическими формами.

4. В большинстве глагольных словосочетаний с частицами, кроме категориального значения императива, отмечается разного рода дополнительная семантика, что связано с неполнотой грамматикализации частиц, с неполным их превращением в служебные слова. Степень сохранения лекси-

ческого значения у разных частиц разная. Наиболее "пустыми", грамматизованными представляются болгарские частицы *да, нека и недей/недейте*. В соответствии с разной степенью сохранения собственного лексического значения у частиц, среди глагольных императивных сочетаний с ними отмечается разная степень близости к грамматическим формам императива. Одни из словосочетаний представляют собой свободные синтаксические соединения слов, самостоятельно функционирующие в семантическом поле императивности, таковы, например, сочетания с частицами *айда, хайде, хайде, айде* в русском, болгарском, сербохорватском и македонском языках. Другие находятся ближе к синтетическим формам, более притянуты к парадигме императива, хотя и не превратились в соответствующие аналитические формы, например, сочетания с *давай/давайте* и *пусть/пускай* в русском языке. Третьи, например, болгарские и македонские *да* и *нека* с формами 2 л. ед. и мн.ч. и 1 л. мн.ч. настоящего времени, а также болгарская частица *недей/недейте* с "инфинитивом", наиболее близки к положению аналитических форм императива. Они располагаются в одном ряду с синтетическими формами, в частности, благодаря отсутствию в этих языках синтетической императивной формы для 1 л. мн.ч. Здесь необходимо заметить, что во всех остальных рассматриваемых славянских языках существует полная парадигма синтетических форм императива. В связи с этим императивные словосочетания с любыми частицами можно, вообще говоря, признать избыточными – они не конституируют парадигму императива, последняя сформирована и без их участия. Лишь в болгарском и македонском языках, как только что было сказано, для полноты императивной парадигмы можно предложить аналитическую форму на место 1 л. мн.ч.

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Итак, в императиве всех славянских языков приходится различать чисто морфологические (синтетические) формы и синтаксические способы выражения, среди которых одни являются аналитическими формами этого наклонения, а другие – модальными конструкциями с разной степенью аналитичности, служащими для передачи побудительного, запретительного и прочих значений. В сослагательном же наклонении всех славянских языков аналитические способы выражения явно преобладают, точнее, в большинстве этих языков сослагательное наклонение выражается исключительно с помощью аналитических форм. Рассмотрим положение аналитических форм сослагательного наклонения в каждом славянском языке отдельно.

В русском языке сослагательное наклонение выражается сочетанием глагольной формы на *-л* (по происхождению – причастие прошедшего времени), совпадающей с современной личной формой прошедшего времени (ее вариантом может быть форма с нулевым суффиксом, например, *мог*), и неизменяемой частицы *бы/б*. Тот факт, что это сочетание является не свободным синтаксическим соединением слов, а аналитической формой сослагательного наклонения, ни у кого сомнения не вызывает. Рассматриваемое сочетание слов выступает как одно глагольное слово в форме сослагательного наклонения потому, что другие формы этой грамматической категории являются простыми, синтетическими. Этот параллелизм с синтетическими формами делает словосочетание типа *сказал бы* аналитической формой сослагательного наклонения.

Тяготение частицы *бы* по причине ее безударности к первоударному слову в предложении приводит к слиянию этой частицы с некоторыми союзами и частицами, например, *чтобы, если бы, будто бы, якобы, как бы, хотя бы, лишь бы* и проч. Сближение или даже слияние на письме частицы *бы* с указанными частицами и союзами не означает, что она перестает быть компонентом аналитической формы сослагательного наклонения. Дистантное положение компонентов данной формы не только допустимо, но и чрезвычайно распространено. В этой связи можно вспомнить термин "разрывная морфема", бытовавший одно время в лингвистической литературе: морф *-л(#)* и морф *бы(б)* составляют разрывную морфему (аналитическую форму) сослагательного наклонения независимо от их позиции в предложении. Так, и в предложениях *Глаза бы мои тебя не видели!* и *Чтоб глаза мои тебя не видели!* одинаково содержится разрывная морфема, или аналитическая форма, *-л + бы*. (Ср. Волоцкая, Молошная, Николаева 1964, где морфема сослагательного наклонения описывается как представленная алломорфами II уровня, т.е. аналитическими формами 1) морф *-л + морф бы* и 2) морф *-# + морф бы*).

В современном чешском языке нередко различают "временные" формы сослагательного наклонения: 1) форму настоящего времени, образуемую сочетанием вспомогательных *bych, bys, by* и т.д. с причастием на *-l*: *přinesl bych, přinesla bys, přinesli bychom* и т.д. (Причастие изменяется по числам и родам, вспомогательный глагол – по лицам и числам); 2) форму прошедшего времени, состоящую из форм сослагательного наклонения настоящего времени от основного глагола и причастия на *-l* от глагола *býti*: *byl bych přinesl, byli bychom přinesli* и т.д. (Причастие основного глагола и причастие глагола *býti* изменяются по числам и родам, а вспомогательный глагол – по лицам и числам).

Рядом грамматистов замечено, что так наз. формы настоящего времени и прошедшего времени сослагательного наклонения отличаются друг от друга не темпоральными, а модальными значениями (Храковский 1988, 38; Смирницкий 1959, 346–350). Первая форма обозначает потенциально выполнимое действие (возможное, предположительное, допустимое, но не реально существующее в действительности). Вторая форма называет невыполненное и невыполнимое действие, при употреблении этой формы обычно предполагается отрицательный результат: *Kdybys byl přišel ko mně včera, byli bychom pracovali spolu* ‘Если бы ты пришел ко мне вчера, мы бы поработали вместе’ = ‘Ты не пришел, и мы не смогли поработать вместе’. Нужно думать, что не только в чешском, но и в других славянских языках, где сослагательное наклонение имеет так наз. временные формы, эти формы употребляются в различных модальных значениях и образуют различные модальные серии сослагательного наклонения – сослагательное I и сослагательное II.

Из слияния изменяемых вспомогательных *bych, bys, by* и т.д. в составе аналитических форм сослагательного наклонения с частицей *al'* и союзом *kdy* возникли изменяемые по лицам и числам сращения *abych, abys, aby* и т.д. и *kdybych, kdybys, kdyby* и т.д., которые участвуют в формировании значения аналитической формы сослагательного наклонения, например, *Řekni Janovi, aby přijel s tebou* ‘Скажи Яну, чтобы он приехал с тобой’; *Šel bych s tebou, kdybych nebyl nemocen* ‘Я бы пошел с тобой, если бы не был болен’. Кроме того, для выражения оттенков желательности, гипотетической возможности, условности и проч. при аналитических формах сослагательного наклонения используются усилительно-побудительные и усилительно-волевые частицы *bodej, bodejt', bodejž, kéž: Bodejt' by dala chvilku pokoj!* ‘Дала бы хоть минуту покоя!’; *Kéž by přišlo jaro!* ‘Поскорее бы пришла весна!’. Представляется, что частицы и союзы, входящие в сращения со вспомогательным глаголом, не объединяются с причастием на *-l* в аналитическую форму слова. Они сохраняют свое собственное значение, которое распространяется на все предложение в целом. Это подтверждается тем обстоятельством, что рассматриваемые частицы и союзы могут сочетаться и с формами настоящего времени индикатива (*Kéž se objeví!* ‘Если бы он появился!’), а также с причастием на *-l* без вспомогательного глагола (*Bodej mu oči vytekly!*). Кроме того, значительная часть сочетаний с этими частицами характеризуется фразеологической связанностью (ср. *Aby/bodejt'/bodejž te husa kopl!* ‘Чтоб тебе было пусто!’) (Karlík 1980, 49–52; Широкова 1988).

Собственно грамматические аналитические формы сослагательного наклонения – это личные формы вспомогательного глагола *býti* + причастие

на *-l*: *prinesl by i byl by prinesl*. Здесь снова можно вспомнить понятие "разрывной морфемы", упоминавшееся в связи с аналитическими формами сослагательного наклонения в русском языке.

По положению сослагательного наклонения в системе глагольных форм польский язык очень близок к чешскому, в частности, там имеются две серии аналитических форм: 1) аналитическая форма, образуемая присоединением частицы *by* и личных окончаний к форме 3-го лица прошедшего времени: *chodzilbym (chodzilabym), chodzilbyś (chodzilabyś)* и т.д.; 2) аналитическая форма, образуемая формой сослагательного наклонения глагола *być* и прошедшего времени спрягаемого глагола в соответствующем числе и роде: *bylbym chodzil (bylabym chodzila), bylbyś chodzil (bylabyś chodzila)* и т.д. Вторая серия аналитических форм в современном языке употребляется относительно редко.

Подобно личным окончаниям глаголов в прошедшем времени, частица с личными окончаниями в составе аналитической формы сослагательного наклонения может отрываться от основного глагола: *Chętnie bym coś przekąsił* (ср. *przekąsilbym*) 'Я бы охотно перекусил'.

Целый ряд союзов и модальных частиц образует вместе с *by* и личными окончаниями сращения, которые участвуют в выражении значения сослагательности. Это союзы и частицы *aby, choćby, iżby, gdyby, jakby, jeśliby, żeby, bodajby, byleby, oby, niechby* и др., например, *Chcę, aby pojechał do Warszawy* 'Хочу, чтобы он поехал в Варшаву'; *Gdyby mieli dużo czasu, poszliby do kina* 'Если бы у них было много времени, они пошли бы в кино'; *Żeby go diabli wzięli!* 'Чтоб его черти побрали!'; *Obyś przyszedł!* 'Лишь бы ты пришел!'. Представляется, что в польском языке, так же как в чешском, перечисленные союзы и частицы не входят в состав аналитических форм сослагательного наклонения. Аналитическая форма глагола состоит лишь из формы прошедшего времени основного глагола и вспомогательного *by* с личными окончаниями (*chodzil + bym*). Вспомогательное слово должно при лингвистическом анализе умозрительно вычлениваться из сращений с союзами и частицами и умозрительно же соединяться с формой прошедшего времени спрягаемого глагола, вместе с которой оно образует так наз. "разрывную морфему", или аналитическую форму сослагательного наклонения. Союзы и частицы лишь усиливают и разнообразят значение сослагательности, добавляя оттенки желательности, побудительности и проч. Ср. иную трактовку подобных сращений в связи с вопросом о формах сослагательного наклонения в статье Я.Пузыниной (Puzyńska 1971).

Самостоятельность существования рассматриваемых сращений, состоящих из союзов, частиц и *by* – вне аналитической формы сослагательно-

го наклонения – подтверждается способностью некоторых из них сочетаться не только с прошедшим временем, но и с инфинитивом (*Žebym o tym więcej nie mówić!* ‘Чтобы об этом больше не говорить!') или с прошедшим временем без вспомогательного *by* (*Bodajś kark skręcił!* ‘Чтоб ты свернул себе шею!'). Хотя данные союзы и частицы не могут быть признаны компонентами или заместителями аналитических форм сослагательного наклонения, они принимают участие в расширении и усилении значений сослагательности (а также императивности), поэтому М. Гроховский называет их операторами наклонения (Grochowski 1986, 49–50).

В сербохорватском языке сослагательное наклонение также выражается исключительно аналитически. Аналитическая форма состоит из личной формы вспомогательного глагола *бити* в аористе и прошедшего причастия основного глагола: *ja bih slušao, ti bi slušao, on bi slušao* и т.д. В современном разговорном языке форма *би* стала часто употребляться для всех лиц и чисел: *Xтели би да знамо* (вместо *бисмо*) ‘Мы хотели бы знать’ (Стеванови? 1974, 713).

В сербохорватском языке существует еще одна аналитическая форма сослагательного наклонения. В нее входит сослагательное наклонение глагола *бити* и прошедшее причастие основного глагола: *Da sam живио у оно вријеме и ја биh био пролио крв за Христа* ‘Если бы я жил в то время, то и я пролил бы кровь за Христа’. Легко заметить, что эта аналитическая форма (*биh био пролио*) соответствует так наз. прошедшему времени сослагательного наклонения в чешском и польском языках. В сербохорватском она чаще всего встречается в произведениях писателей прошлого века, в современном же литературном и особенно разговорном языке почти не употребляется.

В сербохорватском языке, в отличие от русского, чешского и польского, нет срощенной модальных частиц и союзов со вспомогательным компонентом аналитической формы сослагательного наклонения. Другой особенностью сербохорватского языка является возможность употребления формы сослагательного наклонения для выражения привычного, повторяющегося действия в прошлом: *Чим би неко дете зажелело да поједе коју урму, почело би се каменицама бацати по мајмуне* ‘Как только у какого-либо ребенка возникало желание съесть финик, так он начинал бросать камни в обезьян’. Представляется, что в таких случаях следует говорить о транспозиции сослагательного наклонения, т.е. об употреблении форм этого наклонения не в его категориальном значении – действия гипотетического, а не реально совершающегося в настоящем, прошедшем и будущем. Близкий подход к трактовке этих особенностей употребления форм сослагательного

наклонения находим у М. Стевановича, который пишет, что в подобных случаях отсутствует модальное значение наклонения (Стевановић 1974, 717).

В лингвистической литературе встречаются утверждения о том, что болгарский язык характеризуется наличием двух разных форм сослагательного наклонения – аналитической и синтетической. Аналитическая форма образуется сочетанием вспомогательного *съм* в форме старого аориста (*бих*, *би*, *би* и т.д.) и причастия на *-л* знаменательного глагола (*бих чел*, *би чел*, *би чел*, *бихме чели* и т.д.). Изредка причастие соединяется с неизменяемым вспомогательным *би*: *аз би направил*, *ти би направил*, *ние би направили* и т.д. Эти формы считаются не соответствующими нормам литературного языка. Аналитическая форма сослагательного наклонения не имеет темпоральных значений и поэтому используется для всех времен. Формы типа *бих би казал*, которые соответствуют так наз. прошедшему сослагательному в других славянских языках, конструируемые некоторыми писателями, искусственны (Андрейчин 1949, 236).

Что касается упомянутых синтетических форм сослагательного наклонения, например, *ядвам* (наст. и буд.), *ядвах* (имперфект) ‘я ел бы’, которые образуются с помощью суффиксов, омонимичных суффиксам имперфективации или близких к ним, и личных окончаний настоящего времени и имперфекта, то надо заметить, что в их оформлении наблюдаются значительные колебания, например, возможно несколько параллельных форм от одного и того же глагола (*боджам*, *бодвам*, *баждам* – от *бода* ‘колоть’). Это говорит о недостаточной степени морфологической отчетливости так наз. синтетического сослагательного наклонения. Представляется, что в силу данного обстоятельства, а также в силу существования временных форм (настоящего и имперфекта) в синтетическом сослагательном наклонении и некоторых значений, отличающих его от аналитического (значение субъективной готовности совершить действие: *Умирвах не я пуцах!* ‘Я готов был умереть, но не пустил бы ее!’), нельзя однозначно отнести эти синтетические формы к сослагательному наклонению. Ряд авторов рассматривает их в связи с видовыми совершаемостями (Иванчев 1963; Валтер 1989). По-видимому, это случай некоторого переходного состояния морфологических синтетических форм, не влившихся полностью в категорию наклонения. Аналитические же формы являются полноправными репрезентантами сослагательного наклонения.

В болгарском языке, так же как в сербохорватском, нет сращений частиц и союзов со вспомогательными компонентами аналитических форм (Молошная 1995, 109, 115).

Так как в условных предложениях часто употребляется не только сослагательное наклонение, но и будущее в прошедшем. формы последнего иногда относят к сослагательному наклонению, например, *Ако на земята настъпеше мир, хората щях да живеят щастливо* 'Если на земле наступит мир, люди будут жить счастливо'. Однако для такого отнесения нет оснований, ибо сослагательное наклонение и будущее в прошедшем передают различающиеся значения: в форме будущего в прошедшем выражается уверенность в совершении действия, предстоящего по отношению к другому действию в прошлом (т.е. реальное действие); в форме же сослагательного наклонения выражается лишь возможность осуществления действия (т.е. нереальное действие). Ср., например, *Ако имах свободно време, щях да разгледам града* 'Если у меня будет свободное время, я осмотрю город' и *Ако имах свободно време, бих разгледал град* 'Если бы у меня было свободное время, я бы осмотрел город'. Конечно, возможно так наз. модальное употребление будущего в прошедшем, значение которого вытекает из его временного значения. О действии, которое было предстоящим в какой-то момент прошлого, часто говорят в том случае, если это действие затем почему-либо не совершилось: *Щях да падна* 'Я чуть не упал'. На этой же основе развилось употребление будущего в прошедшем в условных предложениях, где оно выступает своеобразным эквивалентом сослагательного наклонения, но не относится к грамматической категории наклонения.

Сходная ситуация наблюдается в македонском языке, в котором некоторые грамматисты усматривают, кроме сослагательного, которое представлено аналитической формой (неизменяемая частица *би* и причастие на -л: *јас би дошол, ти би дошол, ние би дошли* и т.д.), еще и условное наклонение в двух разновидностях – условное реальное (относится к настоящему или будущему моменту) и условное ирреальное (относится к прошедшему моменту) (Усикова 1985, 101–102; Lunt 1952). Формы условного реального наклонения омонимичны формам будущего времени, они образуются с помощью частицы *ке* и презенса: *ке читам, ке читааш, ке чита, ке читаме, ке читате, ке читаат*. Формы условного ирреального наклонения омонимичны формам будущего в прошедшем, они образуются с помощью той же частицы *ке* и имперфекта: *ке читав, ке читааше, ке читаше, ке читавме, ке читавте, ке читаа*. Например, условное реальное: *Ако ти платно згазиме, со вино ке го платиме* 'Если мы наступим на полотно, то заплатим за это вино'; условное ирреальное: *Ке дојдев ако најдев време* 'Я пришел бы, если бы

нашел время'; *Да работеше совесно, ќе успееше* 'Работал бы он добросовестно, сумел бы'⁵.

Представляется, что условное реальное не только формально совпадает с будущим временем, но и по выражаемым значениям принципиально от него не отличается. На это указывает Г.Лант, замечая, что условное реальное имеет "специфическое значение уверенно ожидаемого будущего или привычного действия", например, *Ако ти ја решиш таа задача, ќе ти бидам благодарен* 'Если ты решишь эту задачу, я буду тебе благодарен'. Что касается условного ирреального, то оно может передавать значения, близкие к значению сослагательного наклонения (в общем виде – это значение возможного, желаемого и проч. действия), т.е. может иметь модальное употребление, например, *Ќе дојдев, ако најдев време*. Г.Лант, однако, считает, что с точки зрения соотношения действия с действительностью, форма *ќе* + имперфект выражает те же значения, что и форма *ќе* + презенс, но действие здесь представлено предшествующим во времени моменту речи (точнее – является будущим по отношению к другому действию, предшествующему моменту речи) (Lunt 1952, 83,89,101). Иначе говоря, он приравнивает значение условного ирреального к значению будущего в прошедшем. Ср. выше о формах будущего в прошедшем в болгарском языке, также не отнесенных к категории наклонения. По-видимому, следует согласиться с Б.Конеским, не признающим особых условного реального и условного ирреального наклонений в македонском языке и говорящим о различных временных формах будущего и будущего в прошедшем, в том числе и таких, которые приближаются по значению в некоторых своих употреблениях к сослагательному наклонению (Конески 1954, 131)⁶.

Подведем итог обзору синтаксических способов выражения сослагательного наклонения в славянских языках. Нет сомнения в том, что во всех этих языках, в том числе в словацком, словенском и лужицких, здесь не рассматривавшихся, существуют аналитические формы сослагательного наклонения. Что в них общего и что различного?

1. Во всех славянских языках основным компонентом аналитической формы является глагольная форма на *-л/-л* (по происхождению – причастие).

2. В русском и македонском языках в состав аналитической формы в качестве служебного компонента входит неизменяемая частица – рус. *бы*, мак. *би*. В польском, чешском, сербохорватском и болгарском вспомога-

⁵ Примеры заимствованы из: Lunt 1952, 83,89; Ускова 1985, 102.

⁶ Ср. также позицию В.М.Иллича-Свитыча, не видевшего в македонском языке условного наклонения (Иллич-Свитыч 1963, 563,566).

тельный глагол изменяется по лицам и числам: чеш. *bych, bys, by* ...; пол. *był, byś, by* ...; с.-х. *бих, би, би* ...; бол. *бих, би, би* ... В современном разговорном сербохорватском отмечается тенденция употреблять неизменяемое *би* во всех лицах и числах, пока эта тенденция не закрепились в литературном языке, хотя, вероятно, можно предположить, что развитие аналитической формы сослагательного наклонения пойдет по этому пути.

3. В русском, чешском и польском языках образуются сращения служебного компонента аналитической формы с некоторыми союзами и частицами: рус. *чтобы, если бы, будто бы, хотя бы, лишь бы* и проч.; чеш. *aby, kdyby*; пол. *aby, gdyby, żeby* и проч. При этом в чешском и польском, где служебный компонент изменяется по лицам и числам, данные сращения также оказываются изменяющимися по лицам и числам: чеш. *abych, abys, aby* ..., *kdybych, kdybys, kdyby* ...; пол. *abył, abys, aby* ..., *gdybył, gdybyś, gdyby* ...; *żebył, żebyś, żeby* ... Это обстоятельство создает затруднения в вычленении аналитической формы глагола при лингвистическом анализе. Ни в болгарском, ни в сербохорватском, ни в македонском языках таких сращений не образуется.

4. В чешском, польском, сербохорватском и болгарском языках различаются так наз. сослагательное I и сослагательное II: чеш. *bych přinesl* и *byl bych přinesl*, пол. *chodzilbył* и *byłbył chodzil*, с.-х. *бих слушао* и *бих био слушао*, бол. *бих казал* и *бих би казал*. В современных польском и сербохорватском сослагательное II употребляется редко, в болгарском эти формы вообще искусственны и реально не используются. Тем не менее, следует признать существование в грамматических системах перечисленных языков этих двух серий глагольных форм сослагательного наклонения. В русском языке есть только одно сослагательное наклонение.

5. Болгарский язык отличается тем, что в нем наряду с аналитической формой существует некоторая синтетическая форма, которую нередко относят к сослагательному наклонению. Ни в одном из остальных славянских языков подобной синтетической формы нет.

6. Сербохорватский язык выделяется возможностью употребления аналитических форм сослагательного наклонения в особом, не отмеченном в других славянских, значении привычного, повторяющегося действия в прошлом. Очевидно, здесь имеет место транспозиция сослагательного наклонения. Ср. известное явление транспозиции императива. Надо заметить, что транспозиция форм сослагательного наклонения встречается в славянских языках реже, чем транспозиция форм императива.

ДРУГИЕ КОСВЕННЫЕ НАКЛОНЕНИЯ

В болгарском и македонском языках сочетания личных форм глагола с частицей *да* могут передавать значения, близкие к сослагательному наклонению. На этом основании некоторые лингвисты, например Ю.С. Маслов, считают возможным говорить об особом наклонении – конъюнктиве. Однако Ю.С. Маслов на этом не настаивает, предлагая не описывать *да*-конструкции в одном ряду с наклонением (Маслов 1981, 285–290). С последним утверждением трудно не согласиться. Представляется более правомерным трактовать сочетания форм 2-го л. ед. и мн. ч. и 1-го л. мн.ч. настоящего времени с частицей *да* как аналитические формы императива, о чем было сказано выше; сочетания же других лиц и чисел презенса и перфекта с *да* – как свободные модальные сочетания слов, выражающие разные оттенки волеизъявления: приказ (*Да мълчат!* ‘Пусть они молчат!’), неуверенность, сомнение (*Какво да правим?* ‘Что нам делать?’), эмфатическое запрещение производить действие (*Ама да не си обадил никому* ‘Но смотри, никому не проговорись’), долженствование в прошлом, оставшееся не реализованным (*Като си имал, да си ги вардил* ‘Если они у тебя были, ты должен был их беречь’) и проч.⁷

Вопрос о конъюнктиве в македонском языке не менее сложен, чем в болгарском. Обычно отмечается, что *да*-конструкция употребляется при описательном выражении значений императива, сослагательного и условного наклонений (Усикова 1985, 102–103). Но убедительных доказательств существования отдельного косвенного наклонения, отличного от императивного и сослагательного, в лингвистической литературе не приведено. Не объяснено, в частности, как объединить в одну категориальную форму наклонения такое разнообразие структур, как: *да* + синтетический императив, *да* + презенс, *да* + перфект I (со вспомогательным *сум*), *да* + перфект II (со вспомогательным *има*), *да* + сослагательное наклонение с частицей *би*. Представляется более логичным различать среди сочетаний с частицей *да* аналитическую форму императива для 2-го л. ед. и мн.ч. и 1-го л. мн.ч. (*Да одиме на прошетка!* ‘Пойдем на прогулку!’) и свободные сочетания глагольных форм с этой частицей, имеющие различные модальные значения. Чаще всего это эмоционально усиленное пожелание, выраженное: 1) сочетанием частицы *да* и формы перфекта I (*Да сум ја слушал!* ‘Хоть бы мне ее услышать!’); 2) сочетанием частицы *да* и формы сослагательного наклоне-

⁷ От частицы *да* следует отличать омонимичный ей союз *да*, который в предложениях с формой сослагательного наклонения участвует в выражении обусловленной возможности (*Да би мирно сидяло, не би чудо видяло* ‘Если будешь сидеть неподвижно, чуда не увидишь’).

ния (*Да би куриум те удрил!* 'Чтоб в тебя попала пуля!', *Да би волци те жале!* 'Чтоб тебя волки съели!').

Таким образом, конъюнктив в болгарском и македонском языках следует признать набором аналитических модальных конструкций, а не особым косвенным наклонением.

Более убедительными кажутся доводы некоторых лингвистов в пользу наличия в болгарском языке косвенного предположительного, или умозаключительного, или конклюдзивного наклонения (Маслов 1981, 193, 244, 277–278; Кузаров 1990; 1994). Конклюдзив пока недостаточно изучен. Обычно считается, что он выражает констатацию говорящим действия на основе собственного умозаключения или предположения, например, *Той е пишел сега нов роман* 'Он (как можно предположить) пишет сейчас новый роман'. Для выявления категориального значения конклюдзива вернемся к схеме наклонений, предложенной А.В. Исаченко (см. стр. 16). Естественно, конклюдзив получает плюсы по признакам "нереальность действия выражена" и "ограниченность действия рамками 1-го и 2-го лиц не выражена", оказываясь в одной графе с сослагательным наклонением. Для различения этих двух наклонений можно использовать признак "субъективность в оценке действия выражена". Конклюдзив получает по этому признаку плюс, а сослагательное наклонение – минус. Тогда соответствующая часть схемы А.В. Исаченко приобретает следующий вид.

Таблица

Ограниченность действия рамками 1-го и 2-го лиц не выражена	
Субъективность в оценке действия	
Не выражена	Выражена
Сослагательное наклонение	Конклюдзив
<i>бих казал</i> <i>би казал</i> <i>би казал</i> и т.д.	<i>казал съм</i> <i>казал си</i> <i>казал е</i> и т.д.

Формы конклюдзива относятся к аналитическим, они состоят из спрягаемого вспомогательного глагола *съм* и причастия на -л, частично совпадая с формами категории пересказывания (см. ниже). Различие проявляется лишь в том, что в пересказывательных формах *съм* в 3-м л. ед. и мн.ч. обязательно опускается. Таким образом, в 1-м и 2-м лицах обоих чисел конклюдзив омонимичен пересказыванию, отчетливо выделяются только конклюдзивные формы 3-го лица. Но и этого достаточно для конституирования аналитической формы еще одного косвенного наклонения болгарского глагола.

Глава 3

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПЕРЕСКАЗЫВАНИЯ*

Как уже неоднократно упоминалось, в болгарском и македонском языках есть серия особых грамматических форм глагола – так называемых пересказывательных форм, которые противопоставляются непересказывательным. Этим болгарский и македонский языки отличаются от всех остальных славянских и от многих европейских языков. Пересказывательные формы сигнализируют, что говорящий делает сообщение о действии на основании вторичной (непрямой, чужой) информации; непересказывательные формы указывают на первичную (прямую, в том числе личную) информацию или не содержат указаний на источник информации о действии (Демина 1959, 340, 356 и др.; Куцаров 1984). Например, *Изгорил се с бакър* ‘Говорят, он обжегся медью’; *Нямали сте работна ръка, тежало ви* ‘Тяжело, мол, вам, рабочих рук нет’. В данных русских предложениях вторичность информации о действии выражается не морфологическими, а лексическими средствами – неопределенно-личной формой глагола *говорят*, частицей *мол*. Сами по себе русские глагольные формы не указывают ни на первичность, ни на вторичность информации о действии, в то время как в болгарском языке значение вторичности или первичности информации о действии обязательно передается грамматическими формами глагола. Все болгарские пересказывательные формы являются аналитическими, они состоят из спрягаемого вспомогательного *съм*, который в 3-м лице ед. и мн.ч. последовательно опускается, и причастия основного глагола, характеризующегося морфемой *-л*. Как показали подсчеты Ив.Куцарова, пересказывательные формы 3-го лица гораздо более частотны, чем 2-го и 1-го. Так, в его материале, извлеченном из текстов художественной литературы, 88% всех обнаруженных пересказывательных форм относятся к 3-му лицу (Куцаров 1984, 7). Категория пересказывания пронизывает оба залога, все наклонения, все времена, оба глагольные вида. Соответственно, Ив.Куцаров включает в систему пересказывания 18 теоретически возможных пересказыва-

* Подробнее см.: *Молошина Т.Н.* Синтаксические способы выражения косвенных наклонений в современных славянских языках // *Иванов Вяч.Вс., Молошина Т.Н., Головачева А.В., Свешникова Т.Н.* Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М., 1995. 121–137.

тельных форм, часть из которых употребляется очень редко (Куцаров 1984, 7–17).

Относительно состава и грамматического статуса пересказывательных форм высказано много различных мнений. (Историю вопроса см.: Демина 1959; Герджиков 1984; Roth 1979; Молошная 1989). В российской болгаристике фундаментальные исследования пересказывательных форм принадлежат Е.И.Деминой (Демина 1959; 1960; 1973; 1974; 1976; Дьомина 1970; Demina 1978). Центральное место в ее работах занимает обстоятельный анализ употреблений пересказывательных форм в различных контекстах. На основе этого анализа их категориальным значением названа вторичность информации о действии, по которому они противопоставляются непересказывательным формам. Е.И. Демина справедливо замечает несостоятельность определения пересказывательных форм как форм пересказывательного наклонения. Так, она показала, что императив и сослагательное наклонение, с одной стороны, и "пересказывательное наклонение", – с другой, противопоставляются изъявительному по разным основаниям. Пересказывательные формы могут иметь и изъявительное, и императивное, и сослагательное значения. Из анализа, проделанного Е.И. Деминой, следует, что пересказывание – это отдельная грамматическая категория. Члены данной категории противопоставляются по "принципиально новому признаку значения" – по "указанию на первичный или вторичный характер оценки говорящим лицом отношения действия к действительности" (Демина 1959, 359).

Не ставя себе цели дать обзор литературы по данному вопросу, замечу лишь, что несмотря на многообразные различия в подходах, в настоящее время в болгаристике возобладало мнение, что пересказывательные формы конституируют особую грамматическую категорию (пересказывание), отличную от категории наклонения.

В связи с категорией пересказывания обычно рассматривают так наз. адмиратив и дубитатив. В случае адмиратива речь идет о глагольных формах, омонимичных пересказывательным и употребляемым для выражения удивления и прочих эмоций при назывании неожиданного для говорящего действия типа *Ах, то валяло!* 'Оказывается, пошел дождь!'. Ив. Куцаров показал (Куцаров 1984) – и его доводы представляются убедительными – что в случае адмиратива имеет место использование пересказывательных форм в несвойственной им функции, т.е. транспозиция пересказывательности. Пересказывательные формы в таком случае не выражают пересказывательности, они употребляются для передачи особого модального значения – удивления, при этом всегда сопровождаются другим модальным средств-

вом – адмиративной интонацией. Чаще всего в адмиративной функции используется глагол *съм*. По подсчетам Ив. Куцарова, в 88% случаев наличия адмиративного значения обнаруживаются формы этого глагола, например, *Та ти си бил жив!* (Ив.Вазов) ‘И ты жив!’; *Виж, каква била пустата му работа!* (Г. Караславов) ‘Посмотри, какой пустой оказалась его работа!’ и т.д. В адмиративной функции часто употребляются также пересказывательные формы глагола *имам* (11% в материале Ив.Куцарова): *Боже мой, какви низости имало на света!* (Ив.Вазов) ‘Боже мой, какие на свете существуют низости!’; *Ех, че пари имал!* (Г.Караславов) ‘Ну и денег же у него!’.

Таким образом, нельзя не согласиться с Ив.Куцаровым, что нет основания говорить об особом косвенном адмиративном наклонении.

Много споров вызывает также проблема дубитатива в болгарском и македонском языках. Грамматисты отмечают в значении некоторых пересказывательных форм (в формах так наз. усиленного пересказа, т.е. в пересказывательных формах конклюдива) такие оттенки, как сомнение, недоверие, неодобрительность, сдержанность – дубитативность – в отношении говорящего к называемому действию. Отсюда нередко делается вывод о существовании еще одной категориальной формы наклонения – дубитатива. Например, Л. Андрейчин писал, что формы усиленного пересказа обыкновенно употребляются, когда говорящий относится с сильным недоверием, неодобрением или иронией к чужим словам, которые передает (Андрейчин 1944, 267). Ив.Куцаров (Куцаров 1984) объясняет присутствие дубитативного нюанса в формах усиленного пересказа тем, что это формы косвенного субъективного (конклюдивного) наклонения; здесь значение дубитативности входит в семантику именно этого наклонения, а не пересказывательности. Обсуждаемый нюанс привносится также особой – дубитативной – интонацией и использованием дополнительно особых лексических единиц. При этом дубитативная интонация и специальные лексические единицы могут употребляться с указанным эффектом при любых пересказывательных формах, усиленных и обычных. Ив.Куцаров приводит большое количество примеров использования дубитативной интонации с 1) пересказывательными формами изъявительного наклонения (обычными): *Не можеш, че не можеш!* (Е. Станев) ‘Не мог-де, значит-де не мог!’ и 2) пересказывательными формами конклюдивного наклонения (усиленными): *Нямало било война!* (Й. Йовков) ‘Словно не было войны!’ и проч. (Куцаров 1984, 72–73). Наиболее типичными лексическими единицами с дубитативным значением, которые Ив.Куцаров называет дубитативными модификаторами, являются частицы *уж* и *май*: *И уж руснаците не искали война, уж щели да сключат мир* (Г. Караславов) ‘И русские будто бы не хотели войны, будто бы стремились

заклЮчить мир' – пересказывательные формы в изъявительном наклонении; *Че уж бил паднал вече, а?* (Й.Йовков) 'Неужто он погиб, а?' – пересказывательная форма в конклюдивном наклонении. Все это служит дополнительным свидетельством в пользу мнения, что так наз. дубитатив не составляет отдельного косвенного наклонения.

Таким образом, рассмотрев косвенные наклонения и категорию пересказывания в славянских языках, можно придти к следующим общим выводам:

1. Во всех славянских языках, в том числе в словацком, словенском и лужицких, здесь не рассматривавшихся, общепризнано наличие двух косвенных наклонений – императивного и сослагательного.

2. В болгарском языке можно признать существование еще одного косвенного наклонения – умозаключительного, или предположительного, или конклюдивного.

3. В чешском, польском, сербохорватском и в известном смысле в болгарском различаются две серии модальных форм сослагательного наклонения – сослагательное I и сослагательное II. В русском языке есть только одна серия форм сослагательного наклонения.

4. Формы будущего в прошедшем в болгарском языке являются таксисными и не могут быть отнесены к категории наклонения.

5. Существование условного наклонения (в двух разновидностях) в македонском языке вызывает сильные сомнения. Скорее это формы категорий времени и таксиса – будущего и будущего в прошедшем.

6. Принадлежность конъюнктива к категории наклонения в болгарском и македонском языках не доказана.

7. Пересказывательные формы в болгарском и македонском составляют не отдельное косвенное наклонение, а особую грамматическую категорию пересказывания.

8. Адмиратив и дубитатив в болгарском следует рассматривать как результат транспозиции пересказывательных форм.

9. Императив во всех славянских языках выражается в основном синтетически. Аналитическими его формами можно назвать, с большой степенью осторожности, лишь болгарские сочетания частиц *да* и *нека* со 2-м л. ед. и мн.ч. и 1-м л. мн.ч. наст.вр. и *недей/недейте* с "сокращенным инфинитивом". Сослагательное же наклонение во всех языках и конклюдив в болгарском выражаются аналитически. Только в болгарском языке есть некоторая синтетическая форма, которую ряд лингвистов относят к сослагательному наклонению.

10. Во всех славянских языках основным компонентом аналитических форм косвенных наклонений является глагольная форма на *-л/-л* (по происхождению – причастие).

11. В русском и македонском языках в качестве служебного компонента аналитической формы сослагательного наклонения используется неизменяемая частица (*бы* и *би*). В остальных языках вспомогательный глагол изменяется по лицам и числам.

12. В русском, чешском и польском языках образуются сращения служебного компонента аналитической формы сослагательного наклонения с некоторыми союзами и частицами. При этом в чешском и польском, где служебный компонент изменяется по лицам и числам, данные сращения также оказываются изменяющимися по лицам и числам. Ни в болгарском, ни в сербохорватском, ни в македонском языках такие сращения не образуются.

Глава 4

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ, ТАКСИСА И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ, ИЛИ АКТУАЛИЗИРОВАННОСТИ*

Как известно, грамматическая категория времени есть такая грамматическая категория, посредством форм которой определяется временное отношение между процессом, обозначенным данной формой глагола, и моментом данной речи, причем именно этот момент выступает в качестве нуля на линии времени. Категория времени конституируется в современных славянских языках категориальными формами настоящего, прошедшего и будущего. Такое положение в чистом виде наблюдается в современном русском. В других славянских языках так наз. временных форм больше. Например, в системе польского глагола, кроме настоящего (*czytam*), прошедшего (*czytałem*) и будущего (*będę czytał/będę czytać*) сохраняется давно-прошедшее, или плюсквамперфект (*czytałem był*). Эта форма употребляется в современном польском сравнительно редко, но не исчезает. Сходная ситуация в чешском: настоящее (*nesu*), прошедшее (*nesl jsem*), будущее (*budu nést*) и плюсквамперфект (*byl jsem nesl*). Последняя форма в разговорном языке не употребляется уже давно, а в книжном сохранялась вплоть до XX века (не без влияния иностранных языков).

В сербохорватском и македонском языках парадигма категории времени включает гораздо большее число членов. В сербохорватском это наст. (*тресем*), прош. сов. = аорист (*тресаох*), прош. несов. = имперфект (*тресујах*), прош. неопределенное = перфект (*сам тресао*), давнопрош. = плюсквамперфект (*бех тресао/био сам тресао*), буд. I (*ја ћу трести/трешћу*), буд. II = буд. предварит. (*будем тресао*). В македонском обычно говорят о следующих временных формах: наст. (*пишам*), прош.сов. = аорист (*пишав*), прош.несов. = имперфект (*пишев*), прош. неопределенное = перфект (*сум пишат*), предпрош. = плюсквамперфект (*бев пишел*), буд. (*ќе пишам*), буд. в прош. (*ќе пишев*). Кроме того, в македонском имеются также пер-

* Подробнее см.: *Молошина Т.Н.* Грамматические (морфологические) категории времени и таксиса в современных славянских языках // *Иванов Вяч.Вс., Молошина Т.Н., Головачева А.В., Свейникова Т.Н.* Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М., 1995. 151–172.

глаголом *има* + причастие на *-н/-т*: *имам видено* (перфект II), *сум имал видено* (плюсквамперфект II). Формы с *имам* имеют в целом те же значения, что и перфект I и плюсквамперфект I. Они характерны для западной группы говоров. Исследователи отмечают, что в литературном языке их употребление прогрессирует (Усикова 1985, 101).

В болгарском языке грамматисты насчитывают наибольшее количество форм времени – девять членов временной парадигмы: наст. (*пиша*), прош.сов. = аорист (*писах*), прош. несов. = имперфект (*пишех*), прош. неопред. = перфект (*писах съм*), давнопрош. = плюсквамперфект (*бях писал*), буд. (*ще пиша*), буд. в прош. (*цях да пиша*), буд. предварит. (*ще съм писал*), буд. предварит. в прош. (*цял да съм писал*).

Поскольку болгарская временная система представляет самый сложный случай, остановимся на ней подробнее. В грамматической традиции принято различать абсолютные и относительные времена (Грамматика 1983, 289; Куцаров 1985, 85–103; 1993, 49–66; Бунина 1970). Абсолютными называют те, которые соотносят действие или его результат (о последнем будет сказано ниже) с моментом речи – с ориентационным моментом M_1 . Это настоящее, будущее, аорист, перфект и будущее предварительное. Они выражают предшествование, следование и одновременность действия или его результата по отношению к моменту речи. В формировании значений глагольных временных форм также очень существен другой ориентационный момент (M_2) – это известный момент, о котором говорится, который имеется в виду и который конкретизирован либо данными самого времяисчисления, либо другими явлениями, происходящими в этот момент. Например, имперфект обычно обозначает действие, одновременное с другим действием, совершавшимся в прошлом, или его "современность" с каким-то моментом прошедшего времени, с каким-то "тогда", обозначенным либо другой глагольной формой, либо обстоятельством времени, либо подразумеваемым: *Веднѣж, докато траеше дъждѣт, чичо Митуш и Аго седяха на сундурмата пред дама* 'Однажды, пока продолжался дождь, дядя М. и А. сидели на завалинке перед хлебом'; *И ето, заспиваше вече, когато му се стори, че някой ходи на прѣсти по двора* 'И вот он уже засыпал, когда ему показалось, что кто-то ходит на цыпочках по двору'. В данных примерах действия, выраженные формами *седяха* и *заспиваше*, представлены как одновременные с прошедшими действиями, выраженными формами *траеше* и *се стори*. Длилось ли имперфектное действие после прошедшего ориентационного момента и продолжается ли оно в момент речи, безразлично для его употребления, так как значение имперфекта охватывает лишь момент или про-

межуток времени, одновременный с прошедшим ориентационным моментом (M_2).

Иначе говоря, имперфект обозначает двоякое отношение ко времени: с одной стороны, само действие одновременно с моментом, о котором говорится, а с другой стороны, этот момент является прошедшим относительно момента речи. Таким образом, имперфект ориентирован на прошедший ориентационный момент так же, как настоящее ориентировано на момент речи. Поэтому В. Станков назвал имперфект презенсом в прошедшем (Станков 1965). Ив. Куцаров говорит об имперфекте как об относительном настоящем времени (Куцаров 1993, 66–74). Конечно, это самое общее, категориальное, значение, которое может по-разному модифицироваться в разных контекстах.

Будущее в прошедшем обозначает действие, которое является будущим по отношению к какому-то прошедшему моменту: *Тежка щеще да бъде жетвата, а при тия високи и гъсти стъбла на житата още по-тежка щеще да бъде вършитбата* 'Тяжелой будет жатва, а при этих высоких и густых колосьях еще тяжелее будет молотьба'. В этом предложении глагольная форма *щеще да бъде* представляет процессы жатвы и молотьбы как будущие по отношению к моменту, о котором здесь говорится и который выделяется в самом содержании речи как прошедший. (Русский перевод не позволяет передать это значение в полной мере). Чаще всего прошедший момент, о котором говорится (M_2), бывает обозначен другим прошедшим действием. Тогда будущее в прошедшем выражает следование за этим другим прошедшим действием: *Две черни горящи очи чакаха да доловят тайната, която щеще да разбули дядо Гено* 'Два черных горящих глаза стремились разгадать тайну, которую собирался открыть дед Гено'. Форма *чакаха* передает прошедшее действие, а *щеще да разбули* – действие, являющееся будущим по отношению к *чакаха*. Следовательно, можно сказать, что будущее в прошедшем обозначает действие, которое, с одной стороны, является будущим по отношению к моменту, о котором говорится, с другой – этот момент является прошедшим по отношению к моменту высказывания, т.е. будущее в прошедшем ориентировано на M_2 и отчетливо выражает относительное временное значение.

Времена, которые соотносятся с M_2 , обычно называют относительными. Кроме имперфекта и будущего в прошедшем, к ним принадлежит плюсквамперфект и будущее предварительное в прошедшем.

Очевидно, что противопоставление ряда глагольных форм, соотнесенных с M_1 , ряду глагольных форм, соотнесенных с M_2 , не есть противопоставление внутри грамматической категории времени. Здесь присутствует

другая грамматическая категория, за которой закрепилось название "таксис". Одним из первых к этому термину прибег Р.О. Якобсон. Он разграничил категории времени и таксиса: "Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения" (Якобсон 1972, 101). До того, как термин "таксис" стал широко употребительным, А.И. Смирницкий предлагал называть данную категорию грамматической категорией временной отнесенности (Смирницкий 1959, 291 и далее). Среди болгаристов принято говорить об относительном таксисе (Куцаров 1993, 74–81). Р.О. Якобсон считал таксис морфологической категорией, подобно лицу, числу, времени, наклонению, пересказывательности и проч. А.В. Бондарко (Бондарко 1985) отнес таксис к синтаксическим явлениям и в соответствии со своей общей теорией рассматривает его как функционально-семантическое поле (Бондарко 1984; 1990, 13–18). Й. Пенчев подтверждает, что таксисные значения могут выражаться синтаксически, но вслед за Р.О. Якобсоном признает его морфологической категорией (Пенчев 1985). Ив. Куцаров принимает точку зрения А.В. Бондарко, трактуя таксис как функционально-семантическое поле, имеющее морфологические, синтаксические и лексические средства выражения (Куцаров 1993, 74–81). Меня интересует ядро этого функционально-семантического поля – морфологическая категория таксиса.

Признание, кроме морфологической категории времени, также и морфологической категории таксиса делает неизбежным признание неточности термина "временные формы", ибо в этих формах выражаются обе названные категории.

Привлечение категории таксиса, в дополнение к категории времени, позволяет исчерпывающе описать глагольные формы польского и чешского языков. Форма плюсквамперфекта, в отличие от всех остальных – настоящего, прошедшего и будущего – ориентирована не на M_1 , а на M_2 . Рассмотрим несколько польских примеров:

1. *Ale ona odwróciła się już do kuferka ... i bezmyślnie przekładala przedmiociki, które tam była ułożyła* 'Но она уже повернулась к сундучку ... и машинально перекладывала предметы, которые туда (раньше) уложила'. Здесь как обычное прошедшее представлено время, когда героиня повествования повернулась к сундучку ... и перекладывала предметы; момент же, когда она уложила в сундучок эти предметы, предшествовал этому времени, и данное обстоятельство передается с помощью не обычного прошедшего, но плюсквамперфекта. Хотя в плюсквамперфекте мы дважды находим значение прошедшего, все же прошедшее значение как принадлежащее категории времени, достаточно четко отличается от того значения прошедшего (предше-

ствующего), которое и есть значение временных глагольных форм, соотношенных с M_2 .

2. *Jeden tylko Śremski, któremu przysłał był krótki list = Zarzewia, wiedział, gdzie Paweł się przez ten czas znajdował* 'Один только Сремский, которому он прислал короткое письмо из Зажевя, знал, где Павел находился в это время'. Глагольные формы *wiedział* и *znajdował się* изображают момент действия по линии категории времени как ушедший в прошлое, а форма *przysłał był*, кроме этого значения, передает также значение момента, предшествовавшего тому моменту, когда совершались действия *wiedział* и *znajdował się*.

Вообще говоря, для плюсквамперфекта как такового определение по линии категории времени несущественно, для него важно именно определение момента, относительно которого он изображает данный процесс как предшествующий некоторому другому процессу или некоторой ситуации. Это значение предшествования характеризует одну из категориальных форм категории таксиса, вторая же категориальная форма этой грамматической категории выражает значение неПредшествования, или непосредственной данности.

Материал древнечешского языка подтверждает то же значение предшествования некоторому прошлому моменту M_2 в формах плюсквамперфекта: *Když Gabriel hieše otšel, tehdy Maria jide ...* 'После того как Гавриил ушел, Мария пошла ...'. Форма *hieše otšel* – один из вариантов формы плюсквамперфекта, образованного при помощи имперфекта глагола *býti* и причастия на *-l*. Интересно, что авторы чешского учебника для русских (Широкова, Васильева, Едличка 1990, 264) пишут, что плюсквамперфект выражал состояние, которое явилось результатом предшествующего действия. Это замечание окажется необходимым вспомнить ниже при рассмотрении болгарского плюсквамперфекта. А.Г. Широкова, В.Ф. Васильева и А. Едличка упоминают также, что значение предпрошедшего действия никогда не было полностью грамматикализовано и закреплено за формами чешского плюсквамперфекта. Очевидно, в частности, поэтому для обозначения предпрошедшего действия иногда употребляются многократные глаголы в претерите: *Temná postava se zastavila u dveří pokoje, v němž bydlíval nešťastný Jan Václav Pikkolomini* 'Темная фигура остановилась в двери комнаты, в которой (раньше) жил несчастный Я.В.П.' (Широкова 1965, 78). На случаи такого употребления указывал и Фр. Копечный, писавший, что различия между формами *nosil* и *nosíval* воспринимаются как временные: *nosíval* означает более отдаленное прошлое (*dávnější minulost*) (Копечný 1958, 101). Однако представляется, что скорее права А.Г. Широкова, утвер-

ждающая, что в современном чешском языке значение отнесенности к далекому прошлому не является собственным грамматическим значением форм прошедшего времени многократных глаголов; оно, как правило, возникает под влиянием контекста (обычно при наличии лексических показателей давнего, глубокого прошлого), либо определяется общей ситуацией (например, описание деяний предков и проч.) (Широкова 1965, 83).

Итак, в грамматической системе чешского языка различается кроме прошедшего (*nesl jsem*) также и предпрошедшее, или плюсквамперфект (*byl jsem nesl*). Последняя форма в разговорном языке не употребляется уже давно, а в книжном сохранялась вплоть до XX века (не без влияния иностранных языков). В современном словацком литературном языке, как убедительно показал на большом материале Г. Горак (G. Horák 1957), и позднее это было подтверждено в исследовании Л.Н. Смирнова (Смирнов 1962), предпрошедшее время представлено в качестве самостоятельной грамматической формы. Например, *Čítal list, ktorý mu boli doniesli deň predtým* 'Он читал письмо, которое ему принесли накануне'. Ср. утверждение Э. Горака о том, что плюсквамперфект характерен для классиков словацкой литературы XIX и начала XX века (E. Horák 1964). Э. Горак пишет, что главным значением плюсквамперфекта является не просто хронологическое предшествование обозначенного глаголом действия другому прошлому действию, а подчеркивание результата действия, его актуальных последствий: *Izba bola vychladla, rozložila rýchle ohňa, naložila dreva ...* 'Комната была выстывшей, она быстро развела огонь, наложила дров ...'. Однако плюсквамперфект факкультативен и почти всегда может быть заменен основным прошедшим временем (соответственно: *vychladla*). Хотя, по свидетельству Э. Горака, в последние десятилетия для языкового сознания словаков он не является ни архаизмом, ни диалектизмом.

Как известно, в современном русском языке, в отличие от других современных славянских, морфологической формы плюсквамперфекта нет. Однако значение предпрошедшего действия – действия, предшествовавшего не моменту речи, а некоторому другому моменту или действию в прошлом, может выражаться специальными средствами. Так, частица *было* в сочетании с глаголом в форме прошедшего времени обозначает действие в прошлом, происходившее раньше другого прошедшего действия, того, которое прерывает данное: *Он хотел было встать, но передумал*. Здесь мы имеем дело с относительным временем. Это значение очень близко к значению древнерусского давнопрошедшего времени, из которого сочетание с частицей *было* исторически развилось. Интересно, что частица *было* с тем же плюсквамперфектным значением может сочетаться не только с личными

формами, но и с причастием (прош. вр. сов.в.) и с инфинитивом: *Прекратившийся было дождь вдруг опять полил* (К. Симонов) и *Тут старуха как-то, девочки, бабы писк подняли, похватили горшки и бежать было на деревню* (Л.Толстой). Все эти случаи употребления сочетаний с частицей *было* в современном русском языке являются синтаксическим способом выражения обсуждаемой семантики.

Известно также употребление форм прошедшего времени от глаголов многократной видовой совершаемости с суффиксами *-ыва-, -ива-, -ва-* для выражения давнопрошедшего действия. При этом "давнопрошедшее время" следует отличать от "предпрошедшего времени". Вместо двойной временной отнесенности (действие, предшествующее моменту речи и одновременно предшествующее другому действию или моменту в прошлом), характерной для предпрошедшего (плюсквамперфекта), давнопрошедшее выражает процессы, имевшие место в прошлом, но в момент речи больше не повторяющиеся. Ср. *Лет восемь назад ко мне в дом хаживала дочернина подруга* (Лесков). Здесь в значении формы *хаживала* подразумевается, что в прошлом она ходила, но теперь больше не ходит.

Немногочисленные глаголы этой группы лишены полной парадигмы, практически встречаются только в форме прошедшего времени. В отличие от этого в чешском и словацком языках возможны и презенсные формы от подобных глаголов многократной совершаемости (слвцк. *chodívam* 'я имею обыкновение ходить'). Более того, как справедливо заметил А.В. Исаченко (Исаченко 1960, 432), современные русские формы типа *хаживал* приобретают значение отнесенности к далекому прошлому лишь в "благоприятном" контексте (*лет восемь назад, в молодости он хаживал; раньше он хаживал*). Сами по себе многократные глаголы такого значения не имеют.

Таким образом, современный русский язык не располагает морфологическими средствами для выражения ни значения давнопрошедшего действия, ни значения предпрошедшего действия.

Временные (правильнее — временные и таксисные) формы польского и чешского языков могут быть представлены следующей схемой.

Таблица 1

Соотнесенность с моментом речи — категория времени			Соотнесенность с некоторым моментом в прошлом — категория таксиса		
Одновременность	Следование	Предшествование	Одновременность	Следование	Предшествование
Наст.	Буд.	Прош.			Плюсквамперф.
пол. <i>czytam</i>	<i>będzie czytał</i>	<i>czytałem</i>			<i>czytałem był</i>
чеш. <i>nesu</i>	<i>budu nést</i>	<i>nesl jsem</i>			<i>byl jsem nesl</i>

Для описания болгарских форм так наз. абсолютных и относительных времен данная схема недостаточна. Дело в том, что важной особенностью болгарской темпоральной системы является различие глагольного действия и результата глагольного действия на грамматическом уровне. Имеются в виду грамматические формы, передающие отношение не действия, а его результата (в абстрактном грамматическом смысле, не имеющем ничего общего со значением совершенного вида, представляющего другую грамматическую категорию) к ориентационным моментам (моменту речи и некоторому моменту в прошлом) (Герджиков 1976; Пашов 1976; Куцаров 1993, 74–81, 49–57). Внимание может быть сосредоточено не на действии, выраженном глаголом, а на последствии, особенно состоянии, положении, которое наступило в результате имевшего место действия; в этом смысле глагольная форма указывает не на то, когда совершилось действие, а на то, когда наличествует его результат, когда этот результат актуален. Иначе говоря, действие имеет смысл только в связи со своим результатом. Наиболее ясно значение результативности выявляется в перфекте, например, *Валяло е* 'Прошел дождь' значит, что улица в настоящий момент мокрая (в результате того, что прошел дождь); *Пристигнал съм днес* означает 'Я, придя, и сейчас нахожусь здесь'; *Още не се е върнал* 'Он еще не вернулся', т.е. 'Его здесь еще нет'. Результат действия является основным в значении глагольной формы, само действие восстанавливается по этому результату. Перфект может означать и действие, которое не имело материального результата в момент речи: *Мислил съм по този въпрос*. Но и в таких случаях перфект характеризует положение в настоящем, возникшее вследствие совершившегося в прошлом действия. При этом говорящий считает, что фактическое время действия включается в момент речи, т.е. перфект означает введение прошедшего момента в плоскость настоящего (Пенчев 1985).

Таким образом, можно говорить о результативных временах в болгарском языке. Они выражают отношение не действия, а результата к ориентационным моментам M_1 и M_2 . Имеется настоящее результативное (одновременность результата действия с момента M_1 – моментом речи) – это перфект (*писал съм*), будущее результативное (следование результата действия за M_1) – это будущее предварительное (*ще съм писал*). Плюсquamперфект выражает одновременность результата действия с M_2 (*бях писал*), а будущее предварительное в прошедшем – следование результата действия за M_2 (*щях да съм писал*).

При этом отношение действия и его результата к ориентационному моменту не совпадают. Если результат действия наличествует в M_1 (перфект) или в M_2 (плюсquamперфект), то ясно, что само действие про-

изошло до соответствующего момента, т.е. действие, обозначенное формой перфекта, совершилось до момента речи; одновременен моменту речи его результат. Перфект – это настоящее результативное.

В традиционных грамматиках обычно пишут, что болгарский плюсквамперфект передает действие, предшествовавшее некоторому названному моменту в прошлом, либо другому действию в прошлом. Однако, как убедительно показали Г. Герджиков (Герджиков 1976, 224–229) и П. Пашов (Пашов 1976, 186–209), основное значение этой формы – результат некоторого действия, одновременный другому действию в прошлом. Если же искать место действия (а не его результата), обозначенного формой плюсквамперфекта, относительно M_2 , то следует иметь в виду, что оно, естественно, совершилось до момента M_2 , однако форма плюсквамперфекта акцентирует не это обстоятельство, а одновременность его результата с другим действием в прошлом. Например, *Голямата дъщеря кърпеше новата покривка за маса, която бай Митю бе изгорил с цигарата си* ‘Старшая дочь штопала новую скатерть, которую бай М. прожег своей папиросой’. Здесь плюсквамперфект (*бе изгорил*) имеет значение действия, которое совершилось в прошлом ранее другого действия, но оставило последствия, актуальные для какого-то момента прошлого, обычно обозначенного другой глагольной формой (*кърпеше*).

Плюсквамперфект может употребляться и вне связного повествования о прошедших событиях, обозначая состояние в прошлом, порожденное предшествующим действием: *Челото му беше рунтаво, космите се бяха завили на малки колелца* ‘Лоб его был косматы, (в результате того что) волосы успели завиться в мелкие колечки’.

Таким образом, плюсквамперфект в общем виде аналогичен перфекту, но относится к другой временной плоскости. Это настоящее результативное в прошедшем. Если отвлечься от различных конкретных оттенков, возникающих в различных контекстах, то значение результата действия, актуального для другого действия в прошлом или другого момента в прошлом (M_2), можно признать общим грамматическим значением форм плюсквамперфекта.

Значение формы будущего предварительного также включает результативность – данная форма обозначает некоторое действие, результат которого актуален для какого-то будущего момента, а само действие предшествует этому будущему моменту. Например, *Войната ще свърши и дърветата ще цъфтят в мир. И ние с вас ще сме оздравели, ще бъдем напълно здрави* ‘Война закончится и деревья будут мирно цвести. И мы с вами выздоровеем (= будем уже выздоровевшими), будем совершенно здоровыми’.

Это как бы прошедшее в будущем. Подобным двойным отношением ко времени (и к моменту речи, и к другому ориентационному моменту) будущее предварительное напоминает перфект и плюсквамперфект.

Четвертой результативной формой болгарского глагола является редкое употребляемое будущее предварительное в прошедшем. Его можно трактовать как будущее предварительное по отношению к M_2 . Это действие, результат которого ожидается в момент, будущий по отношению к прошедшему, или результат которого следует за некоторым действием, совершившимся в прошлом. Интерпретировать категориальное значение формы будущего предварительного в прошедшем достаточно трудно не только из-за сложности передаваемых им темпоральных отношений, но и из-за неизбежных дополнительных усложняющих значений, возникающих под воздействием контекста. Например, в предложении *До снощи щях да съм се върнал, но една друга работа ми попречи* 'До вчерашнего вечера я должен был уже вернуться, но другое дело мне помешало' обсуждаемая форма будущего предварительного в прошедшем обозначает действие, результат которого должен иметь место до определенного момента, бывшего предстоящим по отношению к прошлому моменту.

Нерезультативные и результативные формы образуют пары: настоящее – перфект (*пиша – написал съм*), имперфект – плюсквамперфект (*пишех – бях писал*), будущее – будущее предварительное (*ще пиша – ще съм писал*), будущее в прошедшем – будущее предварительное в прошедшем (*щях да пиша – щях да съм писал*). Только аорист (*писах*), выражая результативность (действие, предшествовавшее моменту речи), не имеет результативного соответствия. Эта регулярность выражения результативного значения (в общем абстрактно-грамматическом смысле) позволяет утверждать наличие в болгарском языке еще одной особой грамматической (морфологической) категории – результативности, или актуализированности действия (Куцаров 1993, 74–81, 66–73, 49–57), не имеющей, повторю, ничего общего с категорией глагольного вида. Очевидно, грамматическое значение этой категории выражается аналитически – сочетанием вспомогательного глагола *съм* с причастием на *-л* основного глагола. Соответственно, можно считать, что морфологическая категория таксиса (соотнесенность действия с M_2) выражается "морфемой имперфекта" *-х* в составе вспомогательного или основного глагола (ср. имперфект основного глагола *ходех* и имперфектную форму вспомогательного глагола *щях* и *бях* в других формах, обозначающих соотнесенность с прошедшим моментом, *бях ходил*, *щях да ходя*, *щях да съм ходил*). Ив. Куцаров высказывает другой взгляд на соответствующие формальные показатели. Он справедливо замечает, что поскольку

морфема -х присутствует и в форме аориста, не выражающего значения соотнесенности действия с прошедшим ориентационным моментом M_2 , ее нельзя считать показателем категории таксиса. Такой формальный показатель Ив. Куцаров видит в "морфеме имперфекта" – $'a/e/a$ (варианты зависят от спряжения глагола и от фонетических изменений): *четЯх, бЯх чел, щЯх да чета, щЯх да съм чел, ходЕх, гледАх*.

Регулярность материальной формы выражения значения очень существенна. Единообразие внешнего строения результативных форм настоятельно требует, чтобы все эти формы рассматривались как единая система. То же относится к формам, выражающим соотнесенность действия или его результата с M_2 . "Ведь, – писал А.И. Смирницкий, – внешнее тождество или подобие, как правило, является в языке выражением внутреннего тождества или подобия: без этой закономерности язык не мог бы функционировать как средство общения, так как тогда можно было бы постоянно полагать, что то же самое звучание при всяком новом воспроизведении имеет новое, иное и непредвиденное значение" (Смирницкий 1959, 299).

Итак, обсуждавшееся выше значение соотнесенности действия или его результата не с моментом речи, но с другим моментом в прошлом, о котором говорится или который имеется в виду и который конкретизирован либо данными самого времяисчисления, либо другими явлениями, происходящими в этот момент (M_2), и регулярное выражение этого значения "морфемой имперфекта" -х (или $'a/e/a$) с очевидностью показывает, что таксис представляет собой особую по отношению ко времени грамматическую (морфологическую) категорию. Она образуется двумя противопоставляющимися категориальными формами: категориальной формой соотнесенности с моментом речи (M_1) и категориальной формой соотнесенности с другим моментом в прошлом (M_2). Первую составляют настоящее, будущее, каорист, перфект и будущее предварительное; вторую – имперфект, плюсквамперфект, будущее в прошедшем и будущее предварительное в прошедшем. Иначе говоря, категория таксиса выражается противопоставлением так наз. относительных и неотносительных времен.

Третья грамматическая (морфологическая) категория, представленная в темпоральных формах болгарского глагола, – категория результативности, или актуализированности. Как уже говорилось, она образуется противопоставлением категориальной формы отнесенности результата действия к M_1 и к M_2 и категориальной формы отнесенности самого действия к M_1 или к M_2 . Первую составляют перфект, будущее предварительное, плюсквамперфект и будущее предварительное в прошедшем; вторую – настоящее, будущее, аорист, имперфект и будущее в прошедшем.

Таким образом, в парадигме болгарского глагола различаются оппозиции по грамматическим категориям времени, таксиса и результативности. Соответственно, каждая глагольная форма, кроме аориста, входит в три разные оппозиции. Аорист, выражая лишь отношение действия к моменту речи, не имеет коррелята ни по линии категории таксиса, ни по линии категории результативности.

Перечисленные оппозиции в системе темпоральных форм болгарского глагола можно изобразить с помощью следующей схемы.

Таблица 2

Категория результативности	Соотнесенность с моментом речи – категория времени			Соотнесенность с некоторым моментом в прошлом – категория таксиса	
	Одновременность	Следование	Предшествование	Одновременность	Следование
Нерезультативность	Наст. <i>ходя</i>	Буд. <i>ще ходя</i>	Аорист <i>ходих</i>	Имперфект <i>ходех</i>	Буд. в прош. <i>циях да ходя</i> .
Результативность	Перфект <i>ходил съм</i>	Буд. предва- рит. <i>ще съм ходил</i>		Плюсквам- перфект <i>бях ходил</i>	Буд. предва- рит. в прош. <i>циях да съм ходил</i>

Г.Герджиков и П.Пашов предлагают подобные, но объемные схематические изображения (Герджиков 1976; Пашов 1976). Интересно, что И.А.Мельчук описывает грамматические формы английского глагола с помощью схемы, по существу сходной с приведенной выше (Мельчук 1997, 342).

Конечно, следует помнить, что все высказанные соображения касаются лишь чисто категориальных грамматических значений и не отражают многообразия различных употреблений так наз. временных глагольных форм. Однако, даже если считать приведенные схемы (ср. также Таблицу 1) огрубленными, они не лишены объяснительной силы, ибо репрезентируют общеграмматические противопоставления, позволяющие непротиворечиво описать соответствующие глагольные формы.

В болгаристике известны попытки представить временные формы глагола как выражающие лишь две грамматические категории – времени и таксиса, без учета результативности (Пенчев 1967). Представляется, что такие описания гораздо менее удачны, так как они не отражают и не объясняют все соотношения глагольных форм.

По-видимому, категория результативности должна привлекаться также для описания глагольных форм в сербохорватском и македонском языках. Эти языки отличаются от болгарского меньшим числом форм будущего – в болгарском их четыре (см. Таблицу 2), а в сербохорватском и македонском по две. В остальном временные и таксисные системы всех трех языков подобны. Ср. значение актуальности факта совершившегося действия и его результата для настоящего момента в формах перфекта македонского и сербохорватского языков: с.-х. *његови родители су остарили* ‘Его родители состарились’ = ‘в настоящий момент стары’; мак. *Членот се има развиено од показни заменки* ‘Членная форма произошла из указательных местоимений’ = ‘произошла и имеется в настоящее время’.

Плюсквамперфект в македонском и сербохорватском так же, как в болгарском, выражает актуальность результата действия для прошедшего ориентационного момента M_2 : мак. *Сирнав низ решетката, да си го видам езерото. Сонцето го беше позлатило* ‘Я взглянул сквозь решетку, стараясь увидеть озеро. От солнца оно сделалось золотым’ = ‘сделалось золотым до некоторого прошедшего момента и оставалось золотым в данный прошедший момент’; с.-х. *Село под Суседом бијаше као мртво, све је спавало. А и на граду све је уснуло било* ‘Село под Суседом было как мертвое, все уснуло. Но и в городе все (раньше) уснуло = ‘уснуло до некоторого прошедшего момента и спало в данный прошедший момент’.

Таким образом, без категории результативности, с учетом только ориентационных моментов M_1 и M_2 и временных противопоставлений одновременности/предшествования/следования, трудно объяснить, в частности, соотношение сербохорватского и македонского перфекта с остальными формами: он окажется неотличимым от аориста (действие, предшествующее M_1).

Выше речь шла о выражении таксисных отношений исключительно в личных формах глагола славянских языков. Это так наз. независимый таксис, т.е. морфологическая категория глагола. Обычно говорят также и о зависимом таксисе, который выражается синтаксическими и лексическими средствами, например, деепричастными оборотами, самостоятельно употребляемыми причастиями, предложно-падежными конструкциями, сложноподчиненными предложениями с некоторыми причинными, уступительными, условными союзами и т.п.

Как известно, в русском языке таксисные отношения передаются прежде всего конструкциями с деепричастиями. Деепричастия не имеют абсолютного временного значения, им присуще реляционное значение, указывающее на относительную локализацию во времени дополнительного

действия по отношению к основному действию в предложении. Деепричастие несовершенного вида настоящего времени сигнализирует одновременность второстепенного действия с главным (*Отвечая на вопрос, ученик волновался*). При этом одновременность не зависит от временного плана, к которому отнесено главное действие (ср. *Он посещает вечерние курсы, работая на заводе; Он посещал вечерние курсы, работая на заводе; Он будет посещать вечерние курсы, работая на заводе*). Деепричастие совершенного вида прошедшего времени выражает предшествование второстепенного действия главному действию (*Ответив на вопрос, ученик сел на место*). Иначе говоря, формы деепричастия соотносят действие не прямо с моментом речи (M_1), а с другим с моментом (M_2) – моментом основного действия в предложении. В этом смысле термины "деепричастие настоящего времени" и "деепричастие прошедшего времени" неточны – деепричастие не выражает временных значений, оно передает лишь таксисные отношения.

Подобное положение существует и в чешском языке: *Jdouc* (деепричастие настоящего времени несовершенного вида) *se mnou, vypravuje mi o svém životě* 'Идя со мной, рассказывает мне о своей жизни'. Здесь с помощью деепричастия обозначено временное совпадение дополнительного и основного действий. Ср. *Vykonav* (деепричастие прошедшего времени совершенного вида) *svou práci, odešel domů* 'Выполнив свою работу, он ушел домой' – деепричастие обозначает дополнительное действие, которое предшествует основному.

То же наблюдается в польском языке. Деепричастие настоящего времени несовершенного вида (*czując*) передает одновременность, а деепричастие прошедшего времени совершенного вида (*przeżyławszy*) – предшествование. Например, *Stado gołębi ... spada, klaszczą skrzydłami* 'Стая голубей падает, хлопая крыльями' и *Poszli ..., wywiédziałwszy się wcześniej, czy ich transport nie ruszy* 'Они пошли ..., разузнав сначала, не тронется ли их эшелон'.

Точно так же в сербохорватском языке деепричастие настоящего времени несовершенного вида на *-ћи* выражает синхронность с основным действием в предложении (*Идући ... мислио сам* 'Идя, я думал'), а деепричастие прошедшего времени совершенного вида на *-вши* – предшествование основному действию дополнительного действия (*Расширивши крила ... остао непомично* 'Расправив крылья, ... остался неподвижным').

В современных болгарском и македонском языках деепричастие не имеет форм времени и вида и не выражает таксисных отношений. Это неизменяемая глагольная форма всегда обозначает действие, одновременное действию основного глагола в предложении: бол. *Една крава, идеяки от*

Слатина или Горубляне, минаваше край царския двор 'Одна корова, идя из С. или Г., проходила мимо царского двора'; Треперейки сладко аз ще да ви слушам 'Сладко трепеща, я буду вас слушать'; мак. Трчашие, мавтај?и са рака 'Он бежал, махая рукой'.

В грамматиках сообщается, что иногда, особенно при наличии специальных лексических показателей, болгарские деепричастия могут обозначать действия в прошлом, предшествовавшие основному действию в предложении: *Съединявайки се двете групи там, щяха да чакат ново нареждане* 'Соединившись там, обе группы должны были ждать нового распоряжения' (Маслов 1981, 283).

Таксисное значение предшествования может выражаться в болгарском языке самостоятельно употребленным причастием аориста совершенного и несовершенного вида: *Или той видя частици от своето детство, станало му чуждо, не негово* 'Или он увидит частицы своего детства, (уже) ставшего для него чужим'; *Застанал най-близко от врата, той излезе пръв* 'Встав (прежде) ближе всех к дверям, он вышел первым'; *Едно куче, чакало през всичкото време, бафна насреща ѝ* 'Одна собака, все время ожидавшая (у дверей), твякнула ей навстречу'.

В русском языке, как, впрочем, и в болгарском, и в других славянских, причастные конструкции не направлены специально на передачу таксисного значения, их основная функция связана с атрибутивными отношениями. Функция таксиса может сопровождать атрибутивные отношения. но может и отсутствовать. Так, в предложении *Видны были люди, слушающие* (ср. *слушавшие*) *ттеца* при выражении временной соотнесенности действий речь идет о вторичной предикации, связанной с атрибутивными отношениями. Поэтому причастные конструкции должны быть отнесены к периферии зависимого таксиса, в то время как деепричастные конструкции находятся в его центре (Бондарко 1985; 1987, 240).

Как говорилось выше, таксисные значения могут выражаться и другими синтаксическими и лексическими средствами. Например, предложные обороты с отглагольными существительными типа *при рассмотрении...*, *при переходе ...* и т.п. в сочетании с глаголом, которые допускают замену на деепричастные обороты, относятся к зависимому таксису: *При переходе через рельсы убедитесь, что путь свободен = Переходя через рельсы, убедитесь, что путь свободен.*

Таксисные отношения между действиями ярко выражаются в сложноподчиненных предложениях времени, условия, причины и др. с помощью таких союзов, как рус. *пока, в то время как, до того как, прежде чем, пока не, как вдруг* и т.п.; бол. *докато, след като, преди да* и проч.; пол. *podczas,*

gdy, jak tylko, dopóki и проч.; чеш. *zatím co, pokud, dokud, až* и проч. Ограничусь этими самыми общими упоминаниями возможных синтаксических и лексических периферийных средств выражения таксисных значений. В данной главе, посвященной морфологической категории таксиса, нет смысла углубляться в их подробное рассмотрение.

В качестве общего вывода повторяю, что 1) во всех славянских языках, кроме русского, в дополнение к морфологической категории времени есть морфологическая категория таксиса; 2) в системе так наз. глагольных времен болгарского, сербохорватского и македонского языков объединены три различные морфологические темпоральные категории: собственно время, таксис и результативность (или актуализированность). По-видимому, наличие дополнительной грамматической категории результативности отражает тот факт, что значение у болгарского, сербохорватского и македонского плюсквамперфекта несколько иное, чем у польского и чешского, – он передает не предшествование одного прошедшего действия другому прошедшему действию или некоторой прошедшей ситуации, а одновременность результата прошедшего действия другому прошедшему действию или некоторому прошедшему моменту, о котором идет речь.

Глава 5

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ВИДА*

По вопросу о категории вида в русском и других славянских языках существует обширнейшая литература. Наиболее распространенная точка зрения на категорию вида была сформулирована в "Грамматике русского языка" (Грамматика 1953); эта же точка зрения излагается во всех школьных учебниках. Между тем в последнее время рядом аспектологов были предложены новые взгляды на данную категорию. Наиболее существенны и интересны в этом отношении работы А.В.Исаченко (Исаченко 1960), Ю.С.Маслова (Маслов 1948; 1955; 1959; 1961; 1963; 1963а; 1964; 1965; 1978; 1984), А.В.Бондарко (Бондарко 1967; 1971а; 1976; 1983; 1987; Бондарко, Буланин 1967). Названные лингвисты считают вид грамматической категорией (не словообразовательной и не лексико-грамматической), отграничивая его от грамматических категорий времени и таксиса, с одной стороны, и от функционально-семантической категории аспектуальности – с другой.

Можно предложить следующее семантическое определение категории глагольного вида: глагольный вид указывает "как протекает во времени и как распределяется во времени" (Пешковский 1956, 105) обозначенное глаголом действие, явление, событие, состояние и т.д. Вид принадлежит к категориям "преимущественно интерпретационным" (Бондарко 1976, 47), отражающим оценку говорящим временной структуры действия. Основная видовая оппозиция в славянских языках – оппозиция совершенного и несовершенного видов. Совершенный вид (маркированный член) изображает действие в его неделимой целостности, а несовершенный вид (немаркированный член) оставляет признак целостности/нецелостности невыраженным. Категория вида в славянских языках обнаруживает большую неоднородность своего смыслового наполнения. В различных типах употребления категориальное значение совершенного вида и несовершенного вида получает ту или иную конкретизацию. Эти факты широко освещены в литературе (см., например, Падучева 1996), не буду на них останавливаться.

Итак, в славянских языках глагольный вид существует как грамматическая категория, она выступает в противопоставлении форм одного слова: глагол может изменяться по видам так же, как он изменяется по временам,

* В основу данной главы положен ряд статей автора, опубликованных в 60-е и 70-е годы. См. раздел "Литература".

наклонениям и т.д. (*кончить* – *кончать*, *дать* – *давать*, *исправить* – *исправлять* и проч.)¹ Но лексическое значение не каждого глагола совместимо со значениями обоих видов, поэтому, хотя каждая глагольная форма относится к одному из видов, не каждый глагол изменяется по видам (подобно тому, как не каждое существительное изменяется по числам). Наряду с глаголами, обладающими формами обоих видов, имеются дефективные в отношении вида глаголы, имеющие формы только одного вида. Классическими примерами из русского языка, приводимыми во всех грамматиках, являются perfectiva tantum *грянуть*, *кануть*, *рухнуть*, *хлынуть* и проч. и imperfectiva tantum *зять*, *значить*, *тяготеть*, *чаять* и проч. Однако в русском языке, как и в других славянских, непарных глаголов значительно больше, чем принято считать. Представляется целесообразным различать среди дефективных глаголов, как это предложил Ю.С. Маслов, абсолютную и относительную дефективность (Маслов 1964). Глаголы, не имеющие форм противоположного вида и не входящие в состав неграмматических (приблизительных) пар, названы им абсолютно дефективными. Примеры абсолютных perfectiva tantum: *обезуметь*, *сгинуть*, *запоматовать* и т.д.; примеры абсолютных imperfectiva tantum: *бездействовать*, *зависеть*, *опасаться*, *предвидеть* и многие др. Глаголы, не имеющие форм противоположного вида, но образующие неграмматические пары, названы Ю.С. Масловым относительными perfectiva и imperfectiva tantum. Примеры: *писать* – *написать*, *махать* – *махнуть*, *кусать* – *искусать*, *дрожать* – *задрожать*, *мчаться* – *домчаться*, *дергать* – *дернуть* и многие др. (подробнее о непарных глаголах см. Молошная 1971; 1973).

Из утверждения, что вид является грамматической категорией, не следует, что формами одного глагола можно считать любые члены видового противопоставления. Представляется, что формами одного глагола следует называть образования совершенного и несовершенного вида, обладающие тождественными лексическими значениями и различающиеся отсутствием или наличием специального суффикса имперфективации, т.е. о видовых формах одного глагола можно говорить тогда, когда формы несовершенного вида являются суффиксальными производными от форм совершенного вида (*воспитать* – *воспитывать*, *загнуть* – *загнивать*, *записать* – *записывать*, *дать* – *давать*, *кончить* – *кончать*). Традиционно выделяемые пары типа *кричать* – *закричать*, *дергать* – *дернуть*, *качать* – *покачать* не составляют форм одного глагола, так как между членами этих пар нет лекси-

¹ В некоторых других языках грамматической категории вида нет, но аспектуальные значения, так или иначе выраженные, представлены повсюду.

ческого тождества; это очень близкие синонимы, имеющие разные оттенки значения. В словарях подобные оттенки обычно игнорируются (см., например, "Словарь русского языка" под ред. С.И. Ожегова) и устанавливается сплошная парность глаголов совершенного и несовершенного видов. Ю.С. Маслов и А.В. Исаченко считают формы *кричать*, *закричать*, *дергать*, *дернуть*, *качать*, *покачать* и проч. разными словами, а образование совершенного вида от глаголов несовершенного вида с помощью приставки и суффикса – словообразовательным приемом, сопровождаемым изменением грамматического значения вида. Только в единичных случаях традиционно выделяемые пары, состоящие из бесприставочного глагола несовершенного вида и соответствующего приставочного глагола совершенного вида (типа *делать* – *сделать*), выражают почти тождественные лексические значения. Эти редчайшие примеры полной лексической омонимии не снимают сомнений по поводу существования чисто видовых приставок и не опровергают убеждения, что следует отказаться от очень многих соответствий, приводимых в грамматиках, словарях и специальных исследованиях.

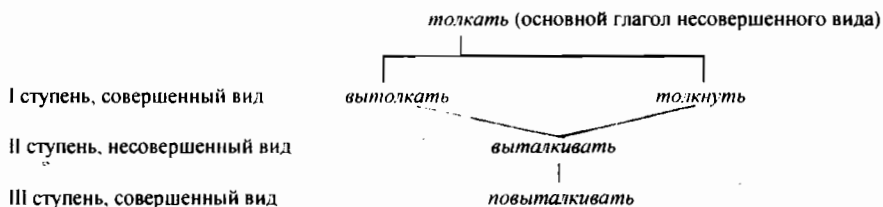
Тот факт, что приставочные и суффиксальные глаголы совершенного вида являются не формами простых глаголов несовершенного вида, от которых они образованы, а самостоятельными словами, приводит к выводу, что в русском и других славянских языках существует очень большое количество одновидовых (или дефективных в отношении вида) глаголов.

Как уже было сказано, различается абсолютная и относительная дефективность. В приблизительные видовые пары могут объединяться не только два относительно дефективных глагола, но и относительно дефективный глагол с глаголом, обладающим полной видовой парадигмой: *читать* (относительно дефективный глагол несовершенного вида) – *прочитать/прочитывать*, *писать* (относительно дефективный глагол несовершенного вида) – *записать/записывать* и проч. См. подробно об этом в статьях Т.Н. Молошной 1971 и 1973 годов, где, в частности, указано на различие русского и болгарского глаголов в отношении видовой дефективности. В болгарском языке образование вторичных имперфективов возможно почти от всех глаголов без ограничения, кроме нескольких единичных случаев, принадлежащих к эмоционально-экспрессивной лексике, например, *помина*, *почина се*. В редких случаях формы несовершенного вида не образуются потому, что такие формы оказываются фономорфологически неудобными или невозможными. Так, если исходная форма совершенного вида уже содержит суффикс, имеющий в своем составе фонему [в] (*помилвам*, *потрябвам*, *нарисувам* и проч. под.), вторичные формы несовершенного вида не образуются. Ю.С. Маслов считает, что дефективность глагола в по-

добных случаях систематически преодолевается развитием видовой двойственности, например, форма *нарисувам*, от которой нельзя образовать вторичную имперфективную форму, сама начинает функционировать и в несовершенном виде (Маслов 1963а, 124–127). Вследствие этой особенности в болгарском языке система видовых пар является наиболее регулярной по сравнению с системами видовых пар в других славянских языках.

Основная причина видовой дефективности состоит в том, что значение грамматической категории вида вступает в противоречие с лексическими значениями глаголов, в особенности с теми значениями, которые выражаются в способах действия, или совершаемостях. Первым термином пользуется Ю.С. Маслов, вторым – А.В. Исаченко. Способ действия, по Ю.С. Маслову, и совершаемость, по А.В. Исаченко, – очень близкие, но не полностью совпадающие понятия. Различие состоит в том, что А.В. Исаченко ограничивает объем этого понятия только производными одновидовыми глаголами. Понимание Ю.С. Маслова шире: он говорит о способах действия также в отношении непродуцируемых глаголов – например, способ действия, обозначающий состояние, выражен в глаголах *стоять*, *спать* и проч. – и в отношении производных недефективных глаголов.

Способ действия (равно как и совершаемость) – это глагольная категория, стоящая на грани между словообразованием и формообразованием. Это те глагольные значения, которые модифицируют значение исходного глагола (иногда они формально выражены приставкой, суффиксом, приставкой в сочетании с суффиксом, приставкой в сочетании с возвратной частицей), будучи с ним соотнесены. Разные авторы выделяют разные способы действия. А.В. Исаченко различает начинательные (*закричатъ*), эволютивный (*раскричатъся*), ограничительный (*покричатъ*), результативный (*прокричатъ*), дистрибутивный (*повыкрикиватъ*), прерывисто-смягчительный (*покрикиватъ*), однократный (*крикнутьъ*) и некоторые другие способы действия. Таким образом, *закричатъ*, *крикнутьъ*, *накричатъся* и проч. выражают разные способы действия глагола *кричатъ*. Но способы действия не есть формы глагольного слова. Соотнесенность глаголов *закричатъ*, *крикнутьъ*, *накричатъся* и проч. с глаголом *кричатъ* лежит в плоскости не формообразования, а словообразования, хотя она и связана с грамматикой – с категорией вида. Способы действия следует принципиально отделять от приемов грамматического видообразования. Как известно, С.О. Карцевский предложил систему "ступеней" видообразования (Karcevski 1927):

А.В. Исаченко справедливо заметил, что I ступень видообразования С.О. Карцевского должна быть отнесена к области образования различных способов действия (*толкать* – *вытолкать*, *толкать* – *толкнуть*), а III ступень видообразования должна быть отнесена к образованию дистрибутивного способа действия (*выталкивать* – *повыталкивать*), причем с изменением способа действия меняется также вид глагола. Сфера чисто грамматических приемов видообразования ограничена так наз. вторичными глаголами несовершенного вида (*выталкивать*).

Некоторые способы действия могут сочетаться с обоими видами, другие – только с одним. В русском языке причина видовой дефективности глаголов часто лежит в семантике. Например, глаголы начинательного способа действия (*закричать*, *вскрикнуть*) не совместимы со значением несовершенного вида и поэтому не имеют форм несовершенного вида. В других случаях наблюдается формально обусловленная видовая дефективность. Например, когда от суффиксального глагола несовершенного вида (*брос-а-ть*, *веш-а-ть*) образуется с помощью приставки глагол совершенного вида (*вы-бросить*, *по-весить*), от него не всегда можно получить форму вторичного несовершенного вида (*выбрасыва-ть*, но невозможно **повешива-ть*). Словообразовательный суффикс *-у/-ов-* иногда не препятствует образованию вторичного несовершенного вида с помощью суффикса имперфективации (*разрисовать* – *разрисовывать*, *обворовать* – *обворовывать*, *избаловать* – *избаловывать*), иногда же делает невозможным образование вторичных несовершенных форм (*использовать*, *уверовать*). От *использовать* в просторечье образуется *использовывать*, но литературный язык не допускает такой формы.

Вторичные имперфективы не образуются, как правило, от двувидовых глаголов (ср. *велеть*, *женить/ся*, *казнить* и под.; *арендовать*, *анализировать*, *адресовать* и под.); глаголы от новых заимствованных корней наряду с двувидовой формой могут иметь форму вторичного несовершенного вида (например, *арестовать* совмещает совершенный и несовершенный виды, *арестовывать* – форма вторичного несовершенного вида).

Вопросы вторичной (а также первичной) глагольной имперфективации в русском и болгарском языках достаточно подробно и на большом материале освещены в статье автора (Молошная 1966а) с ссылками на работы Ю.С. Маслова, А.В. Исаченко и Г.К. Венедиктова (Венедиктов 1961). В этой статье, в частности, показано, что морфологическими средствами имперфективации являются суффиксы (*решить* – *решать*, *толкнуть* – *толкать* – первичная имперфективация; *заболеть* – *заболевать*, *вылечить* – *вылечивать* – вторичная имперфективация), очень редко используются суффиксы и приставки одновременно (*купить* – *покупать*), чередование звуков в основе (*встретить* – *встречать*) и супплетивизм основ (*взять* – *брать*, *лечь* – *ложиться*). Выявлены также параллельные способы имперфективации (*вытравить* – *вытравливать* и *вытравлять*, *отучить* – *отучивать* и *отучать*, *вывернуть* – *вывёртывать* и *выворачивать*), которые являются результатом развития имперфективизации в русском языке – наряду с сохранением старых приемов возникают новые.

В лингвистике давно ставился вопрос о том, какие грамматические морфемы служат выразителями категориального видового значения в грамматической форме глагола. Есть мнение, что таковыми всегда являются особые видообразующие приставки и суффиксы. Это справедливо относительно суффиксов имперфективации (*-ыва-/-ива- -ева-, -ва-, -а-/-я-*). Остальные суффиксы и приставки являются, как было показано выше, словообразовательными средствами, уже поэтому они не могут считаться морфемами вида. Но поскольку эти словообразовательные суффиксы и приставки одновременно могут нести в себе значение совершенного вида, с их помощью в ряде случаев можно распознать совершенный и несовершенный виды (например, наличие суффикса *-ну-* в *крикнуть* и приставки *за-* в *закричать* говорит о совершенном виде; ср. с несовершенным видом глагола *кричать*). Однако даже если учитывать эту дополнительную грамматическую функцию словообразовательных аффиксов, видовое значение глагола далеко не всегда можно установить по их наличию или отсутствию (например, названная приставка *за-* может входить и в состав глагола несовершенного вида: *завозить*, *заводить* и проч., названный суффикс *-ну-* находим в глаголах несовершенного вида: *гибнуть*, *вянуть* и проч.). Лишь суффиксы имперфективации могут быть признаны устойчивыми показателями вида – их наличие говорит о несовершенном виде, а отсутствие может указывать на совершенный вид (*взрывать* – несовершенный вид, *взрыть* – совершенный).

Выражение видового значения с помощью специфических аффиксов – это частный случай; общим случаем следует признать выражение значения вида с помощью комбинаций видовых и не видовых морфем, включая

корень. Ю.С. Маслов считает, что в славянских языках носителем видового значения является так наз. видовая основа. Видовой основой Ю.С. Маслов называет часть глагольного слова, остающуюся после отбрасывания всех словоизменительных морфем, кроме суффиксов имперфективации, т.е. после отбрасывания личных и родовых окончаний, аффиксов времени, наклона и неличных форм, а также тематических гласных, т.е. аффиксов, служащих для указания на принадлежность глагола к классу спряжения. Например, в формах глагола *работать* (*работаю, работал* и проч.) после отсечения аффикса инфинитива *-ть*, окончания настоящего времени изъявительного наклонения единственного числа 1-го лица *-ю*, суффикса прошедшего времени изъявительного наклонения единственного числа мужского рода *-л* и "классового" показателя *-а-*, выделяется видовая основа *работ-*. Подобным же образом в формах глагола *весить* (*вешу, весил* и проч.) вычленяется видовая основа, встречающаяся в двух вариантах *веш-/вес-*. Точно так же в болгарских формах *плетя* 'плету', *плетох* 'я плёл/плела' выделяется видовая основа *плет-* (без *-о/е-*, представленного лишь в форме аориста *плетох, плете, плетохме* и т.д.).

Как следует из определения, в состав видовой основы включаются все словообразовательные аффиксы, т.е. суффиксы производных глаголов, суффиксы способов действия, приставки. Например, в *борону*, *бороновать* выделяется основа *борону-/боронов-*, состоящая из корня и суффикса отыменных глаголов *-ов-/у-*; в *вытолкну*, *вытолкнуть* видовой основой является *вытолкн-*, состоящая из корня, приставки *вы-* и суффикса однократного способа действия *-н-/ну*. Все видовые основы делятся на одновидовые (выражающие только совершенный вид или только несовершенный вид) и двувидовые (выражающие оба вида). Большинство глагольных основ в славянских языках одновидовые, двувидовые основы представляют собой исключения, например, *жен-(ить)*, *вел-(еть)*, *вульгаризиров-(ать)* и проч.

По каким признакам узнается видовая принадлежность основы, если, как было сказано, входящие в ее состав суффиксы и приставки служат показателями вида лишь в ограниченном числе случаев? Этот вопрос неоднократно обсуждался в лингвистической литературе. Сводку и критический обзор разных мнений дает А. Достал (Dostál 1954). Разные исследователи предлагают разные критерии определения видовой принадлежности основы. Ю.С. Маслов сформулировал достаточно правдоподобные и охватывающие многие случаи функциональные признаки видовой принадлежности основы. Эти признаки делятся на три типа.

1. Парадигматические. Например, одним из признаков несовершенного вида основы является незапрещенность образования от нее причастия

настоящего времени действительного залога (*бросающий*, но не **бросящий*); в русском языке только от основы несовершенного вида возможно образование аналитических форм будущего времени (*буду бросать*, но не **буду бросить*).

2. Синтаксические. Например, способность форм, образованных от данной основы, служить ответом на вопрос "Что это ты делаешь?" указывает на несовершенный вид ("Что это ты делаешь? – Решаю задачу", но не "Решил задачу"). Синтаксическими критериями являются также сочетания инфинитива (в болгарском языке – "инфинитивного" сочетания *да* + наст. вр.) с фазовыми глаголами типа 'начать', 'кончить' и т.п., возможными только при несовершенном виде.

3. Основообразовательные. Например, основой совершенного вида может признаваться такая, от которой образуется производная основа с суффиксом имперфективации: *выплатить* – *выплачивать*, *вслушаться* – *вслушиваться* и т.д.

Заметим, что формы типа *хаживать* не относятся к вторичным имперфективам; это формы многократного способа действия, и, следовательно, наличие таких образований не может означать, что *ходить* содержит основу совершенного вида.

Суммируя, следует отметить, что видовая принадлежность основы узнается по тому, какие глагольные формы могут (или не могут) быть от нее образованы, как именно употребляются образуемые от нее формы, и какие производные видовые основы возможны от данной видовой основы.

Однако неполнота и неуниверсальность предложенных Ю.С. Масловым критериев определения видовой принадлежности глагольных основ очевидны. Это объясняется чрезвычайной сложностью законов зависимости между функционированием, строением и видовой принадлежностью основ. Ю.С. Маслов осознает данное обстоятельство и, как представляется, совершенно справедливо считает первостепенной задачей лингвистов в области исследования глагольного вида определение морфологического состава одновидовых и двувидовых основ. Многое здесь не поддается объяснению и должно быть индивидуально описано. Так что, труд грамматиста переплетается в этом вопросе с трудом лексикографа.

Изложенное выше базировалось преимущественно на материале русского языка. Между тем болгарский и македонский языки демонстрируют свою специфику видо-временной системы и лексико-грамматической категории способов действия глагола. Вопрос о специфике болгарского языка в отношении глагольного вида неоднократно обсуждался в лингвистической литературе (Андрейчин 1962; Иванчев 1978 и др.). Представляется, что на-

более полно и ясно он подвергнут рассмотрению Ю.С. Масловым (Маслов 1984). Ю.С. Маслов подчеркивает в первую очередь тот факт, что в болгарском языке оппозиция аорист/имперфект и оппозиция перфект/неперфект не контаминируется с оппозицией совершенный вид/несовершенный вид. Самостоятельность этих оппозиций по отношению друг к другу является полной, в результате чего их перекрещивание дает четыре заполненные клетки, так что "простое синтетическое прошедшее" выступает в четырех разновидностях: 1) аорист совершенного вида, 2) аорист несовершенного вида, 3) имперфект несовершенного вида и 4) имперфект совершенного вида. Подобного, как известно, не наблюдается в сербохорватском языке, где обе оппозиции проявляют сильную тенденцию к смешению, и в результате аорист несовершенного вида встречается весьма редко, а имперфект совершенного вида вообще отсутствует. Семантическая и структурная самостоятельность оппозиции совершенный вид/несовершенный вид в болгарском языке еще более подчеркивается одинаковостью образования форм будущего времени для обоих видов, в противоположность восточнославянским и западнославянским языкам (ср. бол. *ще оправя/ще оправям* и рус. *исправлю/буду исправлять*). На значимость этого факта в свое время обратил внимание Б. Гавранек (Гавранек 1962).

Кроме того, в болгарском языке наиболее отчетливо проявляется также независимость оппозиции совершенного/несовершенного видов от способов действия. Если, например, в русском языке многие предельные способы действия выступают только в совершенном виде, то в болгарском языке все предельные способы действия систематически выступают в обоих видах, обнаруживая безразличие к противопоставлению совершенный вид/несовершенный вид. Так, русским начинательным *забарабанить, заплясать* (совершенный вид) в болгарском соответствуют не только *забарабана, заиграя* (совершенный вид), но и *забарабаням, заигравам* (несовершенный вид). Если русские формы *колоть* и *кольнуть* противопоставлены друг другу и по виду, и по способу действия, то в болгарском каждая из этих оппозиций выступает отдельно от другой. Оппозиция совершенный вид/несовершенный вид представлена в *бодна/бодвам* (где оба члена сохраняют один и тот же способ действия – однократный), а оппозиция способа действия (однократности/мультипликативность) – в *бодна* (или *бодвам*)/*бода*, где в первом члене вид может быть и совершенным, и несовершенным. Таким образом, это показывает, что грамматическое видовое противопоставление в болгарском языке полностью обособленно от полулексических способов действия. Эта четкая отграниченность оппозиции совершенный вид/несо-

вершенный вид составляет одну из важных специфических черт грамматического строя болгарского языка.

Второй интереснейшей особенностью болгарской категории вида является безраздельное господство суффиксальной имперфективации, в то время как в других славянских языках видовые пары образуются с помощью префиксов, суффиксов, префиксов одновременно с суффиксами, грамматических чередований и супплетивности. Почти безграничная в болгарском языке способность перфективных видовых основ подвергаться суффиксальной имперфективации ведет в содержательном плане к отмеченной выше четкой отграниченности видовой оппозиции от противопоставлений различных способов действия, а в формальном плане – к максимальной регулярности и единообразию используемых видовых парадигм. У громадного большинства глаголов предельной семантики реализуется один общий принцип: формально маркированными с помощью имперфективного суффикса оказываются формы несовершенного вида, а противопоставленные им формы совершенного вида характеризуются отрицательно – отсутствием данного суффикса. (В имперфективах *решавам* ‘решать’, *купувам* ‘покупать’, *турям* ‘класть’, *давам* ‘давать’ вид выражен суффиксами имперфективации *-ава-*, *-ува-*, *-а-*, *-ва-*, а в соответствующих перфективах *реша*, *купя*, *туря*, *дам* – отрицательно, значащим отсутствием суффикса имперфективации. См. Андрейчин 1962).

Нельзя сказать, что принцип положительного суффиксального выражения несовершенного вида и отрицательного, нулевого выражения совершенного вида составляет исключительную принадлежность болгарского языка. Он проявляется и в русском языке. Однако именно в болгарском он получил наиболее последовательное развитие. Специфика болгарского языка в этом вопросе является не отклонением в сторону от славянского языкового типа, а наиболее полным воплощением тенденций развития, заложенных в славянской грамматической системе и проявляющихся в той или иной степени во всех славянских языках. Максимальная регулярность морфологического механизма соотношения совершенный вид/несовершенный вид в болгарском языке по сравнению с остальными славянскими делает максимально оправданной именно для болгарского языка и ту современную трактовку вида, по которой он – вопреки давней традиции – оказывается словоизменительной категорией, противопоставляющей формы совершенного и несовершенного видов в пределах одной глагольной лексемы, одного глагола с полной видовой парадигмой. Это, конечно, не значит, что в болгарском языке нет одновидовых глаголов. Напротив, известно достаточно большое количество неопределенных *imperfectiva tantum* (*лежа* ‘лежать’, *строя*

‘строить’, *меня* ‘изменять’), а также предельных глаголов, которые из-за фonomорфологических препятствий не образуют суффиксальных имперфективов (*помилвам* ‘погладить’, *развълнувам се* ‘разволноваться’). Однако в последнем случае основа, по своему образованию перфективная, превращается в двувидовую (*помилвам* может означать как ‘погладить’, так и ‘поглаживать’). Некоторая часть упомянутых глаголов неопредельной семантики, выступающих в несовершенном виде, также может эволюционировать в сторону двувидовости, например, *строя* в современном языке может значить и ‘строить’, и ‘построить’, *меня* – ‘изменять’ и ‘изменить’ и т.д.

Еще одна особенность болгарского языка в сфере аспектуальности – отсутствие глагольных основ со специальным многократным значением типа рус. *говаривать*, *едать*.

Что касается противопоставления глаголов "однонаправленного" и "ненаправленного" перемещения в пространстве, то оно в болгарском языке утрачено, и оба значения – однонаправленность и ненаправленность – выражаются одним и тем же глаголом (бол. *нося* – рус. *нести* и *носить*, бол. *бягам* – рус. *бежать* и *бегать*).

Перечисление особенностей болгарского глагола в области способов действия можно было бы продолжить, но это детали. Общий же вывод, к которому приводит сказанное выше, состоит в том, что болгарский язык характеризуется наиболее полным и последовательным развитием общеславянской категории вида и что это проявляется как в четкой отграниченности оппозиции совершенный вид/несовершенный вид от других грамматических оппозиций в глаголе и от оппозиций способов действия, так и в максимальной степени регулярности морфологического выражения видовых противопоставлений.

Глава 6

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА

Известно, что залог как сравнительно молодая категория не получил в славянских языках четкого морфологического оформления, поэтому его нередко объединяют с лексико-грамматическими и словообразовательными явлениями. Задача данной главы – попытаться вскрыть грамматическое ядро залогов, сводя к минимуму все неграмматические факторы, связанные с этой проблематикой. Так, представляется, что от залога следует принципиально отделять лексико-грамматическую категорию переходности/непереходности, выражающую отношение "глагол – объект". Переходность – это семантическое свойство глагола, проявляющееся синтаксически в его способности сочетаться с винительным падежом (*читать книгу, рубить дрова*). Непереходные глаголы либо не сочетаются с объектом (*сидеть, идти*), либо сочетаются с объектом в других косвенных падежах (*верить другу, заниматься спортом*). Не всегда правильно говорить о глаголе как о переходном или непереходном. Дело в том, что целый ряд глаголов могут употребляться и как переходные, и как непереходные: *Он поет песню* (переходный) – *Он хорошо поет* (непереходный). Здесь нет формального морфологического показателя переходности/непереходности, Однако в русском языке все же имеется морфологический показатель непереходности – это возвратный суффикс: непереходный глагол с суффиксом *-ся/-сь* не может употребляться с прямым дополнением (невозможно **Он учится русский язык*), в то время как в других славянских, например в словацком, глагол с возвратной частицей может соединяться с прямым дополнением в винительном падеже (ср. *Učit' sa ruštini* 'Учить русский язык'). В русском наличие возвратного суффикса указывает на непереходность (*Краска держится*), а его отсутствие при том же глаголе – на переходность (*Он держит книгу в руках*); в словацком непереходность в подобных случаях может формально не выражаться: ср. *Drží knihu* 'Он держит книгу' (переходный) – *Farba drží* 'Краска держится' (непереходный).

Повторю, что переходность/непереходность не является морфологической категорией. Будучи связана с лексическим значением глагола и проявляясь в сочетаемости или несочетаемости с прямым объектом, переходность/непереходность должна быть признана категорией лексико-синтаксической. Присоединение возвратного суффикса *-ся/-сь* служит в русском

языке формальным показателем непереходности. Присоединяясь к переходному глаголу, этот суффикс устраняет из синтаксической семантики предложения отношение "глагол – прямой объект".

Собственно залоговым отношением является отношение "субъект – глагол". Оно проявляется в системе формально выраженных противопоставлений. Грамматические соотношения между действительным залогом (активом) и страдательным залогом (пассивом) выражаются в виде двучленной оппозиции. В качестве ее сильного, маркированного члена выступает пассив. Если действие, называемое глаголом, представляется направленным на субъект предложения, то это пассив; активная же форма не передает направленности действия на субъект: *Дом возводится (возводился/возведен) строителями* – пассив, *Строители возводят (возводили/возвели) дом* – актив. При этом безразлично, идет ли речь о переходном или непереходном глаголе. Нет никакой необходимости исключать непереходные глаголы из категории залога. Залог охватывает всю глагольную парадигму всех глаголов. Из этого утверждения следует, что к активному залогом можно отнести, наряду с переходными, все непереходные глаголы типа *сидеть, мечтать, стоять*, возвратные типа *бояться, удивляться, улыбаться* и даже безличные типа *светает, вечереет*. В этом вопросе невозможно согласиться с П.С. Кузнецовым или И.А. Мельчуком, исключаящими непереходные глаголы из категории залога (Кузнецов 1952, 338; Мельчук 1997, 341). Представляется, что прав А.В. Исаченко, объяснивший принадлежность непереходных, возвратных и безличных глаголов к активному залогом тем, что они имеют неpassивное значение и являются *activa tantum*, т.е. не образуют парных противопоставлений типа *строит – строится*.

Формальными показателями пассива в русском языке являются: 1) краткая форма страдательного причастия прошедшего времени на *-н/-т*, объединяющаяся вместе со спрягаемым вспомогательным *быть* в аналитическую форму, и 2) возвратный суффикс *-ся/-сь*, образующий синтетическую форму. Надо заметить, что отсутствие однородных грамматических показателей пассива серьезно осложняет формальную сторону вопроса. Морфологическая неотчетливость русского пассива связана с тем фактом, что аффикс *-ся/-сь* не служит исключительным признаком пассива, он выполняет еще целый ряд неграмматических (словообразовательных) функций. Как уже говорилось, он может выражать лексико-грамматическое значение непереходности (*торопить* – переходный глагол, *торопиться* – непереходный), лексико-грамматическое значение замкнутости действия на субъекте, или так наз. возвратности (*обрадоваться* – в отличие от *обрадовать*, *одеваться* – в отличие от *одевать*) и проч. Все глаголы, составляю-

шие указанные пары, суть независимые слова, а не залоговые формы. Иначе говоря, непереходные глаголы и возвратные глаголы имеют неpassивное значение, и пассивные формы от них не образуются; это дефективные в отношении залога глаголы.

В современном русском языке наблюдается явная тенденция разграничивать суффиксальные и аналитические формы пассива по видам. У глаголов несовершенного вида предпочтение отдается суффиксальным формам, у глаголов совершенного вида – аналитическим: *Он строит дом* – *Дом строится (им)*; *Он построил дом* – *Дом (был) построен*. Следует подчеркнуть, что, как представляется, *Дом был построен* – это предложение не с именным сказуемым, а со сказуемым, выраженным аналитической пассивной формой глагола (см. Исаченко 1960, 349 и далее; Karcevski 1927). В качестве иллюстрации можно привести таблицу соответствий синтетических активных и аналитических пассивных форм русских глаголов совершенного вида из цитируемой книги А.В. Исаченко (Исаченко 1960, 363).

Таблица 1

	Актив	Пассив
Наст. вр.		<i>(Дом) построен</i>
Прош. вр.	<i>Он построил (дом)</i>	<i>(Дом) был построен</i>
Буд. вр.	<i>Он построит (дом)</i>	<i>(Дом) будет построен</i>
Сослаг. накл.	<i>Он бы построил (дом)</i>	<i>(Дом) был бы построен</i>
Императив	<i>Построй (дом)</i>	<i>Будь построен</i>
Инфинитив	<i>Построить (дом)</i>	<i>(Дом может) быть построен</i>
Деепртч.прош. вр.	<i>Построив (дом)</i>	<i>Будучи построен</i>
Прич.прош. вр.	<i>Построивший (дом)</i>	<i>(Дом) построенный</i>

Аналитическая пассивная форма от глагола совершенного вида (*дом*) *построен* отнесена А.В. Исаченко к презенсу, ибо она не выражает прошедшего времени. Здесь на первый план выдвигается значение результата действия, а действие, вызвавшее данный результат, лежит вне поля зрения говорящего. В предложении же *Дом построен в прошлом столетии* значение прошедшего времени возникает благодаря дополнительным лексическим средствам (благодаря словам *в прошлом столетии*). Явно прошедшей формой глагола в пассивном залоге является сочетание *был построен*.

В современном русском языке, особенно в научной литературе, аналитические пассивные формы не только получили широкое распространение, но начали вытеснять активные конструкции. Там, где производитель

действия может или должен остаться невыраженным, русский язык прибегает к пассиву.

Как уже говорилось, в русском языке у глаголов несовершенного вида предпочтение отдается аффиксальным формам пассивного залога. Однако и в пределах несовершенного вида имеются аналитические формы (*книга критикуема, книга была критикуема* и т.д. – см. таблицу 2). Такое положение характерно чаще всего для книжных глаголов, например: *Мои примеры могут и должны быть критикуемы* (Л.В. Щерба), в то время как от глаголов бытовой лексики нет форм причастия на -и. Следовательно, в данном случае речь идет о стилистической дистрибуции синтетических и аналитических форм пассива.

Воспроизведу таблицу противопоставлений активных и пассивных форм глаголов несовершенного вида из книги А.В. Исаченко (Исаченко 1960, 359).

Таблица 2

	Актив	Пассив
Наст. вр.	<i>Он строит (дом)</i> <i>Он критикует (книгу)</i>	<i>(Дом) строится</i> <i>(Книга) критикуема</i>
Прош. вр.	<i>Он строил (дом)</i> <i>Он критиковал (книгу)</i>	<i>(Дом) строился</i> <i>(Книга) была критикуема</i>
Буд. вр.	<i>Он будет строить (дом)</i> <i>Он будет критиковать (книгу)</i>	<i>(Дом) будет строиться</i> <i>(Книга) будет критикуема</i>
Сослаг. накл.	<i>Он строил бы (дом)</i> <i>Он критиковал бы (книгу)</i>	<i>(Дом) строился бы</i> <i>(Книга) была бы критикуема/критикована</i>
Инфинитив	<i>Строить (дом)</i> <i>Критиковать (книгу)</i>	<i>(Дом) может строиться</i> <i>(Книга) может быть критикуема/критикована</i>
Деепр. наст.вр.	<i>Строя (дом)</i> <i>Критикуя (книгу)</i>	<i>(Книга) будучи критикуема</i>
Прич. наст.вр.	<i>Строящий (дом)</i> <i>Критикующий (книгу)</i>	<i>Дом) строящийся</i> <i>(Книга) критикуемая</i>
Прич. прош.вр.	<i>Строивший (дом)</i> <i>Критиковавший (книгу)</i>	<i>(Дом) строившийся</i> <i>(Книга) критикованная</i>

Следует подчеркнуть, что далеко не от каждого глагола могут быть образованы все теоретически возможные формы. Для русского литературного языка весьма характерна дефективность как активных (отсутствие деепричастий от глаголов типа *бить*, отсутствие 1 л. ед.ч. от глаголов типа *побеждать* и т.п.), так и пассивных форм (нет пассивного императива

несовершенного вида, деепричастие несовершенного вида не имеет синтетической пассивной формы). Известные затруднения представляет образование суффиксального пассива при подлежащем, обозначающем лицо. Так, пассивная форма с *-ся* не образуется, если она совпадает с формой возвратного глагола на *-ся* с непассивным значением. Например, носители языка избегают употреблять пассивную форму от глагола *мыть*: нельзя сказать **Ребенок моется матерью*. Точно так же не употребляются пассивные формы от глаголов *одевать*, *бить*, *хватать*, поскольку формы на *-ся* имеют обычно непассивное значение (*Он одевается*).

В других славянских языках грамматическая категория залога также конституируется двумя категориальными формами – активного и пассивного залогов. Выделение еще каких-то залогов, например возвратного, представляется необоснованным, ибо существует не возвратный залог, а серия возвратных глаголов, т.е. особых, отдельных лексических единиц. Таким образом, подобно рус. *учить* и *учиться*, пол. *ubierać* и *ubierać się* ‘одевать’ и ‘одеваться’ суть разные слова, но не разные грамматические залоговые формы одного слова. Однако значение и употребление возвратных глаголов в каждом из славянских языков имеет свою специфику. (См. об этом Išačenko 1956).

В польском, чешском, сербохорватском и болгарском языках русскому синтетическому способу выражения пассивного залога с помощью суффикса *-ся/-сь* соответствует подвижная возвратная частица *się/se/ce* (пол. *Dom się buduje* ‘Дом строится’, чеш. *Okna se myjí* ‘Окна моются’, с.-х. *Raženi se přenose* ‘Раненные перевозятся’, бол. *Книгата се чете* ‘Книга читается’). В указанных языках этот способ образования пассивных форм возможен не только от глаголов несовершенного вида, но и от глаголов совершенного вида: ср. бол. *Книгата ще се прочете от всички* при рус. *Книга будет прочтена всеми*, слов. *Vseko sa pripraví* при рус. ‘Все будет приготовлено’ (нельзя сказать **Все приготовится*).

Аналитическая форма пассивного залога во всех славянских языках одинаково включает спрягаемую форму вспомогательного ‘быть’ и пассивное причастие основного глагола: пол. *Praca była sprawdzona przez nauczyciela* ‘Работа была проверена учителем’, чеш. *Listky jsou (byly) prodány* ‘Билеты (были) проданы’, с.-х. *Ja sam razoružen* ‘Я разоружен’, бол. *Уволнен съм* ‘Я уволен’.

Еще раз подчеркну, что характерное для русского языка закрепление синтетических форм пассива за глаголами несовершенного вида и аналитических форм пассива за глаголами совершенного вида в других славянских языках, в частности в чешском и словацком, не является нормой. Так, в

чешском и словацком и синтетический, и аналитический пассив образуется от глаголов обоих видов. Принципиально от каждой видовой формы можно образовать четыре серии пассивных форм: слвц.несов.в. *jedlo sa pripravuje* (синтетическая форма) – *jedlo je pripravované* (аналитическая форма) 'еда приготавливается'; сов.в. *jedlo sa pripraví* (синтетическая форма) – *jedlo je pripravené* (аналитическая форма) 'еда приготовлена'. Иными словами, от глаголов совершенного вида возможен синтетический пассив, а от глаголов несовершенного вида – аналитический, что в русском языке встречается достаточно редко. Впрочем, и в чешском, и в словацком не все теоретически возможные формы фактически употребляются (Исаченко 1960, 371–372).

В польском языке роль аналитической формы пассивного залога может выполнять своеобразная безличная конструкция с предикативными формами на *-no/-to* (по происхождению это причастия): *Na placu budowy kombinatu ukończono właśnie pierwszą bocznicę kolejową* 'На строительной площадке комбината была проложена как раз первая железнодорожная ветка'.

В чешской грамматической традиции выделяется подобный же тип "безличного" и "бессубъективного" пассива, например, *Večer se zpívalo, Tam se hodně pije*. Так, Фр. Копечный относит подобные конструкции к пассиву, ибо в них "устранен, подавлен активный элемент" (Корецьку 1954, 225,233). Представляется более обоснованной позиция А.В. Исаченко, который, считая, что единственным семантическим критерием пассива является направленность действия на субъект, а участие или неучастие производителя действия в самом действии для определения пассива нерелевантно, предлагает отнести эти формы к возвратным глаголам с неpassивным залоговым значением (Исаченко 1960, 404–406).

В связи с общей проблематикой пассива следует упомянуть своеобразные конструкции, называемые посессивным перфектом. Они известны во многих славянских языках, например, слвц. *Mám obed uvarený* 'У меня обед сварен', *Mám kabát oblečený* 'На мне надето пальто'; чеш. *Já mám nakázáno, abych tu čekal* 'Мне приказано, чтобы я тут ждал', *Mám tady napsáno, že...* 'Мне написали, что...'; пол. *Paznokcie miała przycięte krótko* 'Ногти у нее были подстрижены коротко', *Włosy miał już dobrze przyczesane siwizną* 'У него волосы были уже тронуты сединой'; бол. *Ние имаме допуснати много грешки* 'Мы допустили много ошибок', *Имам изготвен един широк план* 'У меня подготовлен широкий план'. В русском языке, где сфера распространения глагола *иметь* уже, чем в других славянских, пассивное причастие прошедшего времени проникает в конструкцию "у + род.пад. + *быть*": *У него уже прочитана вся литература, У меня деньги отложены, У него ра-*

бота не была закончена. Хотя исследователи все чаще обнаруживают посессивный перфект в литературном языке, он распространен гораздо больше в говорах: *У нее мужа убито, У меня два платья сношено, Ночь у меня не спано, У девушки уехано* и проч. (см. Категория 1989, 181–184; Молошная 1987).

Общее значение причастных конструкций рассматриваемого типа – состояние в настоящем, являющееся результатом действия, совершившегося в прошлом. Посессивность означает принадлежность этого состояния (результата действия) субъекту действия, действие представляется как принадлежащее субъекту, находящееся в его владении (ср. Потехня 1941, 204).

Поскольку категория залога получила в славистике много разных, нередко взаимоисключающих, трактовок, сформулирую еще раз исходные позиции в этом вопросе. Они в значительной степени опираются на работы А.В. Исаченко.

1. Категория залога так же, как категория вида, охватывает все без исключения грамматические формы всех без исключения глаголов.

2. Категория залога выражает направленность/ненаправленность глагольного действия на подлежащее предложения. В славянских языках имеется два залога: пассивный, выражающий направленность глагольного действия на подлежащее, и непассивный, или активный, не выражающий направленности глагольного действия на подлежащее. Следовательно, активными являются такие формы, как *Он читает книгу, Он бежит, Он смеется, Вечереет* и т.п. Активными (непассивными) являются также возвратные глаголы типа *Он моется, Собака кусается, Это мне нравится*.

3. Отношение глагольного действия к прямому объекту не является залоговым отношением. Оно выражается не в морфологической, а в лексико-синтаксической категории переходности/непереходности. Формальным показателем непереходности в русском языке служит суффикс *-ся/-сь* (*Краска держится*).

4. Пассив как сравнительно молодая грамматическая категория славянского глагола не получил единого морфологического оформления. Пассивный залог выражается у глаголов несовершенного вида суффиксом *-ся*, а у глаголов совершенного вида – аналитической формой, состоящей из пассивного причастия прошедшего времени в краткой форме и формы вспомогательного глагола *быть* (в том числе нулевой): *Дом \emptyset построен, Дом был построен, Дом будет построен*.

5. Следует принципиально различать возвратные глаголы, являющиеся самостоятельными лексическими единицами с активным залоговым значением (*умываться, купаться*), и морфологические возвратные формы с

пассивным залоговым значением (*Дом строится, Дверь открывается привратником*).

6. Возвратные формы могут быть морфологическими (пассивный залог от глаголов с переходным значением) или синтаксическими (активный залог от глаголов с непереходным значением). Морфологический или синтаксический характер возвратных форм выявляется из контекста.

Различаются следующие основные типы употребления суффикса *-ся*:

Таблица 3

	Активный залог	Пассивный залог
1. Морфологические формы (от переходных значений)		<i>Дом строится Дверь открывается привратником</i>
2. Синтаксические формы (от непереходных значений)	<i>Мне не спится</i>	
3. Непереходные возвратные глаголы	<i>Наш сосед строится Дверь сама собой открывается</i>	

Глава 7

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ*

Данная грамматическая категория не получила общего признания в лингвистике. Конечно, об объединении личных (предикативных) и неличных (непредикативных) форм глагола в систему форм одного слова так или иначе пишется в каждой грамматике, но отдельную грамматическую категорию, которая представляет (репрезентирует) процесс в двух вариациях – как чистый процесс или как процесс, осложненный предметными или признаковыми моментами, выделил, пожалуй, только А.И. Смирницкий (Смирницкий 1959, 245 и сл.). Он справедливо замечает, что если исходить из понимания грамматической категории как обобщенной грамматической единицы, выражаемой в регулярном противопоставлении двух или более категориальных форм, то можно считать, что и регулярное противопоставление в системе глагола личных и неличных форм также дает основание для выделения особой категории. В чем состоит суть противопоставления личных и неличных форм и по какому общему признаку оно проводится? Основное различие заключается в том – с какой степенью полноты и насколько ярко процесс представлен в той или иной глагольной форме именно как процесс. Легко видеть, что в одних глагольных формах процесс представляется только как процесс, в других формах он изображается в соединении с другими качествами: в них процесс, оставаясь процессом, в то же время может быть частично представлен как признак или же частично опредмечен.

Рассмотрение подобного противопоставления личных и неличных форм позволяет заключить, что обсуждаемая категория репрезентации выступает в четырех категориальных формах:

- 1) категориальной форме собственно глагольной репрезентации, характерной для личных форм;
- 2) категориальной форме субстантивной репрезентации, характерной для инфинитива;
- 3) категориальной форме адъективной репрезентации, характерной для причастия;
- 4) категориальной форме адвербиальной репрезентации, характерной для деепричастия.

* Подробнее см. в статье: *Молошина Т.Н.* Грамматическая категория глагольной репрезентации в современных славянских языках // *Славяноведение*. 1996. 4.

Ясно, что основой объединения всех личных и неличных форм, представленных как категориальные формы категории репрезентации, в парадигму одного глагольного слова является прежде всего тождество их лексических значений¹. Тождество лексических значений сохраняется и в случае наличия многозначности. Так, если личная форма имеет два значения – *Они колеблются* – в смысле ‘не могут принять решения’ – и *Листья колеблются от ветра* – в смысле ‘совершают физическое движение’, то соответствующие неличные формы (инфинитив, причастие, деепричастие) сохраняют эти два значения. Наблюдается также тождество фразеологических значений у личных и неличных форм: ср. пол. *Kładę ci karty na stół* ‘Открываю тебе свои планы’, *Nie chcemy klusć ci karty na stół* ‘Не хотим открывать тебе свои планы’, *Kładęca...* ‘Открывающая...’, *Kładąc...* ‘Открывая...’

Однако тождество лексических значений и фразеологических особенностей не является достаточным условием для объединения личных и неличных форм в парадигму одного глагола. Необходимо, чтобы они объединялись также общими грамматическими признаками. К таковым чаще всего относят синтаксическое управление. П.С. Кузнецов писал (Кузнецов 1952, 254), что в русском языке в синтаксическом отношении как причастия, так и деепричастия (нужно добавить – и инфинитив) сочетаются с теми же падежами, что предикативные глагольные формы. Например, *руководжу кем/чем, руководить кем/чем, руководящий кем/чем, руководя кем/чем*. Здесь следует заметить, что такое же управление творительным падежом сохраняется и у тех отглагольных существительных, которые никак не могут быть отнесены к глагольной лексеме (ср. *руководство кружком*). В русском языке глагольное управление сохраняется также существительными, представляющими собой субстантивированные причастия типа *заведующий (кафедрой), управляющий (делами)* и проч. Следовательно, синтаксический признак управления не может считаться формальным показателем объединения словесных форм в парадигму одного глагола. Представляется, что совершенно прав А.В. Исаченко (Исаченко 1960, 18), утверждавший, что состав и объем глагольной парадигмы должен быть определен исключительно на основании морфологических (а не семантических или синтаксических) показателей, являющихся выразителями морфологических категорий. Каковы те морфологические категории, которые объединяют все без исключения глагольные формы? В славянских языках любой глагол соединяет значение процесса с понятиями грамматического вида и залога. Нет глагола вне вида, и каждый

¹ Понятие “парадигма” используется здесь в соответствии с определением, которое дал ему А.А. Зализняк (Зализняк 1967, 30).

глагол обязательно относится к одному из двух залогов (активному или пассивному). Все остальные грамматические категории не обязательны для каждой глагольной формы: категория лица отсутствует в инфинитиве, причастии и деепричастии; категория наклонения также связана только с личными формами; категория времени не присуща повелительному и сослагательному наклонениям и инфинитиву; в причастии и деепричастии категория времени проявляется несколько иначе, чем в личных формах. Единственные грамматические категории, которые в славянских языках наличествуют в каждой глагольной форме, это категории вида и залога. На этом основании к глагольным формам относятся все те "слова", в которых проявляются грамматические категории вида и залога. Это личные формы, инфинитив, причастие и деепричастие.

Личные глагольные формы, обладая общими всем формам глагола категориями вида и залога, характеризуются также грамматическими категориями времени, наклонения и отнесенности к одному из лиц. Время, наклонение и лицо являются сказуемостными, предикативными категориями².

Инфинитив представляет собой субстантивную форму глагольной репрезентации. Его субстантивный характер выступает особенно ясно, когда он служит подлежащим предложения: *Найти его было тяжелой задачей*. В других случаях, даже там, где инфинитив играет роль как бы прямого дополнения (*Я хочу пойти туда*), его субстантивность очень относительна. Он, в отличие от существительного-дополнения, не может сочетаться с предлогом и, соответственно, не может выполнять в предложении функцию косвенного дополнения, присоединяясь к глаголу-сказуемому лишь в качестве члена предложения, который развивает и поясняет сказуемое. Но основное отличие инфинитива от существительного состоит в том, что ему присущи глагольные категории вида (рус. *писать* – *написать*, чеш. *dělat* – *udělat*, пол. *robić* – *zrobić*, с.-х. *садити* – *засадити*) и залога (рус. *может строит* – *может строиться кем-либо* и *может быть построен*; чеш. *chvblit* – *chvblit se* и *bíti chálen*; пол. *wychować* – *wychować się* и *być wychowany przez kogoś*; с.-х. *преносити* – *преносити се* и *бити пренесен*).

В современном болгарском языке, как известно, сохранился лишь так наз. сокращенный инфинитив, который употребляется очень ограниченно – только после модальных глаголов *мога*, *смея* и в отрицательных императив-

² Категория числа в личных формах связана с категорией лица (я – мы, ты – вы, он – они). Категория грамматического рода проникла в глагольную систему и проявляется в личных формах прошедшего времени, сослагательного наклонения и других аналитических формах, включающих причастие на -л-л (ср. бол. перфект *дал е*, *дала е*, *дало е*; пол. плюсквамперфект *czytałem był*, *czytałem była*, *czytałem było* и т.д.).

ных сочетаниях с *недей/недейте*. В первом случае инфинитиву свойственна категория вида (ср. *можеш писа – можеш написа*), в составной императивной конструкции, выражающей запрет производить действие, употребляется лишь несовершенный вид инфинитива (*недей писа* 'не пиши'). О возможности или невозможности залоговых форм сокращенного инфинитива в грамматиках обычно не сообщается.

Македонский язык не сохранил форм инфинитива.

Деепричастие, названное здесь адвербиальной формой глагольной репрезентации, иногда рассматривается как "гибридная" наречно-глагольная категория, совмещающая в себе признаки глагола и наречия (Виноградов 1947, 384). В соответствии с высказанными выше соображениями представляется, однако, что деепричастие не может быть оторвано от глагольного слова, оно является полноценной парадигматической формой глагола. В русском языке деепричастие отчетливо выражает вид: различаются формы несовершенного вида (*отвечая, работая*), которые в традиционных грамматиках называют формами настоящего времени, и формы совершенного вида (*ответив, проработав*), которые называют формами прошедшего времени. Эти формы имеют темпоральное значение, отличное от значения грамматической категории времени, так как они соотносят действие не с моментом речи, а с основным действием предложения. То, как деепричастие изображает второстепенное действие, было показано в Главе 4 (с.54–56). Добавлю, что чешская грамматическая традиция выделяет также так наз. деепричастие будущего времени, которое выражает действие, предшествующее другому будущему действию. По форме – это деепричастие настоящего времени от глаголов совершенного вида (*přinesa, přinesouc, přinesouce*). В отличие от русского, чешское деепричастие настоящего, прошедшего и будущего времени изменяется по родам и числам: м.р. ед.ч. *nesa, přišed*; ж. и ср.р. ед.ч. *nesouc, přišedši*; мн.ч. *nesouce, přišedše*. Эти категории рода и числа являются у деепричастия, как и у причастия, синтаксическими, согласовательными. Изменение деепричастий по родам и числам подтверждает происхождение деепричастий из причастий, о чем будет дополнительно сказано ниже.

Практическое отсутствие у болгарского и македонского деепричастия формы совершенного вида заставляет поставить под сомнение возможность включения деепричастия в этих языках в грамматическую парадигму глагола. Однако представляется, что это все же следует делать – исходя из того, что данная глагольная форма во всех славянских языках является сравнительно молодой и не совсем устоявшейся. Известно, что деепричастие развилось в историческое время из причастий. В старославянском языке не было морфологической формы "деепричастие". Возникновение деепричастий

связано, по-видимому, с дифференциацией мышления, с потребностью вместить два параллельных действия в одну синтаксическую структуру. Молодость деепричастия подтверждается, например, его положением в словацком языке, где деепричастия долго были типичны в первую очередь для книжных стилей, в народных говорах они отсутствовали. В связи с этим некоторые словацкие пуристы еще в середине нашего века относились к ним с неодобрением. Деепричастия также не свойственны и чешскому общинно-разговорному языку. Однако в литературном языке они являются живой формой, употребление которой в последнее время возросло под влиянием русского языка. В польском языке деепричастные обороты свойственны преимущественно книжному стилю, причем они менее частотны, чем в русском языке. Надо сказать, что в болгарском языке употребление деепричастий тоже не получило достаточно широкого распространения, вследствие чего им часто предпочитают временные или образа действия придаточные предложения, вводимые союзом *като*, например, в приведенном предложении (см. Главу 4) вместо *идейки от Слатина* можно было бы сказать *като идеше от Слатина*. Форма деепричастия на *-ейки*, *-айки*, *-яйки* в литературный язык проникла из македонских говоров. Прежде встречались и другие, теперь утраченные формы на *-щец* (*гледащец*, *говорещец*). В болгарских диалектах исследователи отмечают большое разнообразие форм деепричастий (на *-ечи*, *-ешти*, *-ешчи*, *-ким*, *-штим*, *-шчем*, *-штем* и проч.) (см., например, Кисева 1931).

Грамматическая категория залога, которая выражает направленность/ненаправленность действия на субъект, в деепричастии полностью не реализуется. В русском языке пассив от деепричастия совершенного вида образуется довольно регулярно (*построив – будучи построен*), а деепричастия несовершенного вида часто не имеют пассивной нормы (*строя – нет *будучи строен*, но возможно *критикуя – будучи критикуем*). Это проявление дефектности парадигмы, которое вообще весьма характерно для русского литературного языка. Поэтому отсутствие пассива от некоторых деепричастий не является грубым нарушением системы. Следует также учитывать, что пассив – сравнительно новая грамматическая форма не только в русском, но во всех славянских языках, и он еще не получил полной морфологической отчетливости. (См. об этом в Главе 4).

Следующая категориальная форма категории репрезентации – **причастие** – по своему морфологическому облику сочетает в себе признаки глагола и прилагательного. Подобно прилагательным, причастия изменяются по родам, числам и падежам; эти категории являются у причастий, как у прилагательных, синтаксическими, проявляющимися в согласовании с су-

существительным. Пассивные причастия к тому же, подобно прилагательным, образуют полные и краткие формы, но, в отличие от прилагательных, не имеют степеней сравнения. Кроме того, в русском языке от прилагательных могут быть образованы отвлеченные существительные на *-ость/-есть*, в то время как от причастий подобные существительные не образуются. В болгарском и македонском языках причастия, как имена прилагательные, могут иметь членную (определенную) форму (бол. *тънец* – *тънецият/тънеция*, *тънеца* – *тънецата*, *тънецо* – *тънецото*; мак. *прокиснат* – *прокиснатиот*, *свиснати* – *свиснатата*, *поджолнтото* – *поджолнтото*). При этом категорию определенности так же, как категории рода, числа и падежа, в причастиях нельзя признать глагольной.

С глагольной парадигмой причастия связаны не только процессуальным значением, но в первую очередь специфически глагольными категориями вида и залога: всякое причастие имеет одно из видовых значений (*читающий*, *читавший* – несовершенный вид, *прочитавший* – совершенный вид), всякое причастие выражает актив или пассив (*читающий*, *читавший*, *прочитавший* – актив, *читаемый*, *читающийся*, *читанный*, *читавшийся*, *прочитанный* – пассив). Для разных форм причастий, относящихся к пассивному залогу, в русском языке характерна разная степень продуктивности и употребительности. Этот вопрос здесь не рассматривается (см. Исаченко 1960, 547–553, 560–569).

Сложнее обстоит дело с категорией времени. Причастие имеет два времени – настоящее и прошедшее, причем обе временные формы возможны лишь у причастий несовершенного вида, например, *читающий* – *читавший*. Причастие совершенного вида имеет лишь форму прошедшего времени (*прочитавший*). А.В. Исаченко показал условность терминов "причастие настоящего времени" и "причастие прошедшего времени", так как причастия настоящего времени не выражают отнесенность действия именно к настоящему, их семантика состоит в отсутствии указаний на отнесенность действия к прошлому. В связи с этим их грамматическое значение в ряде случаев может истолковываться как одновременность побочного действия с главным: *Я вижу мальчика, читающего книгу* и *Я видел мальчика, читающего книгу*.

Причастия польского языка также характеризуются глагольными категориями вида и залога. При этом активный залог сочетается в основном с несовершенным видом (*czytający*), а пассивный и с несовершенным, и с совершенным (*czytany* и *przeczytany*). Есть небольшая группа активных причастий с суффиксом *-i*, которые образуются от глаголов совершенного вида со значением перехода из одного состояния в другое (*zbiegły* 'сбежавший',

wypadły 'выпавший'). Обычно в грамматиках активные причастия несовершенного вида называют причастиями настоящего времени. В действительности они чаще всего обозначают не отнесенность побочного действия к плану настоящего, а одновременность этого побочного действия с действием, называемым сказуемым: *Samowar stojący u pieca szumiał i parą buchał* 'Самовар, стоящий/стоявший у печки, шумел и пускал клубы пара'. Пассивные причастия от глаголов совершенного вида имеют значение завершённого действия, предшествовавшего основному: *Przeczytałem książkę napisaną przez tego pisarza* 'Я прочитала книгу, (ранее) написанную этим писателем'. Интересно, что в польском языке пассивные причастия с суффиксами *-n* и *-t* могут быть образованы от непереходных глаголов, например, *wypoczęty* 'отдохнувший', *zaginiony* 'пропавший', что в русском языке запрещено.

В современном чешском языке представлены активные причастия настоящего времени несовершенного вида (*kvetoucí* 'цветущий'), редко употребляющиеся активные причастия прошедшего времени совершенного вида (*vykonavši* 'выполнивший'), и пассивные причастия прошедшего времени обоих видов (*čtený* 'читаемый', *udělaný* 'сделанный', *užitý* 'использованный').

В современном сербохорватском языке употребляются активные причастия прошедшего времени на *-l* от глаголов несовершенного и совершенного видов (*čitao* 'читавший', *spasao* 'спасший') и пассивные причастия прошедшего времени на *-en*, *-n*, *-t* также от глаголов обоих видов (*strižen* 'стриженный', *izmучen* 'измученный', *uzet* 'взятый'). Причастий настоящего времени ни активного, ни пассивного залога в сербохорватском языке нет.

В болгарском языке причастие имеет категории залога, вида и времени. Причастия активного залога настоящего времени возможны только от глаголов несовершенного вида, они обычно передают не столько значение действия, происходящего в момент речи, сколько значение одновременности называемого ими сопутствующего действия главному действию предложения: *Майка хвърли грижлив поглед към спящите си деца* 'Мать бросила озабоченный взгляд на своих спящих детей'. Действительные причастия прошедшего времени совершенного вида на *-l* в самостоятельном употреблении чаще всего обозначают состояние лица или предмета, возникшее в результате предшествующего законченного действия и одновременное главному действию предложения (Ср. уже приведенный пример: *Или той видя частици от своето детинство, станало му чуждо, не негово* 'Или он видит частицы своего детства, (уже) ставшего для него чужим'). Соответствующие причастия от глаголов несовершенного вида самостоятельно упот-

ребляются реже. Они обычно обозначают предшествование основному действию в предложении: *Едно куче, чакало през всичкото време, бафна на среща и 'Одна собака, все время ожидавшая (у дверей), твякнула ей навстречу'*. Как говорилось выше, подобные темпоральные отношения одновременности и предшествования действия или состояния другому действию скорее относятся не к грамматической категории времени, а к грамматической категории таксиса.

Пассивные причастия в современном болгарском языке возможны от глаголов обоих видов только в форме прошедшего времени: *писа – писан* '(на)писанный', *облека – облечен* 'одетый', *бия – бит* 'битый', *изплюя – изплют* 'выплюнутый'. Интересно, что пассивные причастия образуются как от переходных, так и от непереходных глаголов, с появлением активного значения: *засмян* 'смеющийся', *замислян се* 'задумавшийся'. В значении пассивного причастия настоящего времени иногда может использоваться пассивное причастие прошедшего времени от несовершенных глаголов: *Песни, пени в слава на героя, днес звучат ми като смях при гроба* 'Песни, которые поются во славу героя, звучат теперь для меня как смех на могиле'.

В македонском языке активные причастия на -л употребляются только в составе сложных форм глагола, поэтому их не принято называть причастиями. Они образуются от глаголов обоих видов: *гледал сум* (перфект), *бев живеел* (плюсквамперфект), *би дошол* (сослагательное наклонение). Лишь пассивное причастие на -н/-т может употребляться в качестве определения или полупредикатива: *наведната глава* 'наклоненная голова', *Го најдоа самоубиен* 'Его нашли покончившим с собой', *Седната на камен, таа гледаше ...* 'Сидя (букв.севшая) на камне, она смотрела...'. Эти причастия образуются от переходных и непереходных глаголов обоих видов.

Что касается отглагольного существительного, то оно в русском языке безусловно не входит в глагольную парадигму даже по синтаксическим признакам, ибо для него характерно другое управление (*объясняю, объяснять, объясняя, объясняющий что, но объяснение чего*). Точно так же в польском, чешском, словацком, сербохорватском языках отглагольные существительные от переходных глаголов, требующих винительного падежа, управляют родительным: чеш. *trýznění chlapců* 'истязание ребят', пол. *zwiedzenie Krakowa* 'посещение Кракова'; с.-х. *брање винограда* 'сбор винограда'. Еще более важно, что отглагольное существительное не может считаться обладающим грамматическими категориями вида и залога. В русском языке, как правило, отглагольное существительное соотнесено с обоими видами глагола. Существительное *объяснение* воспринимается как относящееся и к глаголу *объяснить* (совершенный вид) и к глаголу *объяснять*

(несовершенный вид). Выраженное значение несовершенного вида сохраняется лишь за существительными, образованными от глаголов многократной совершаемости с суффиксом *-ыв/-ив-* (*отбрасывание, покашливание*).

В традиционных чешских и словацких грамматиках отглагольные существительные обычно включаются в парадигму глагола на том основании, что они свободно образуются в парадигме глагола в тех случаях, когда в русском языке возможны только отглагольные существительные от глаголов совершенного вида: ср. чеш. *zlepšit – zlepšení и zlepšovat – zlepšování* и рус. *улучшить и улучшение* – одинаково *улучшение*. Однако в целом ряде случаев отглагольные существительные в чешском и словацком языках не образуются совсем. Отсутствуют отглагольные существительные от модальных глаголов, от некоторых глаголов совершенного вида типа *nahodit se, povyhažovat, povyskakovat*, от многократных глаголов (нет форм типа **dělávání, *psávání, *chodivání*) (Křížková 1959).

Отглагольные существительные не имеют грамматически выраженного значения залога. Сочетание *Истязание ребят длилось долго* – чеш. *Trýznení chlapců trvalo dlouho* – может быть истолковано двояко: либо ‘ребята кого-то истязали’, либо ‘кто-то истязал ребят’.

Неоднократно отмечалось, что в чешском и словацком языках, в отличие от русского, отглагольные существительные могут сохранять возвратную форму (чеш. *učení и učení se*, словац. *učenie и učenie sa* – рус. только *учение*). Но в чешском языке возвратная частица при отглагольном существительном, как правило, опускается (*zpoždít se* ‘опоздать’ – *zpoždění vlaku* ‘опоздание поезда’). Ее сохранение обязательно только в тех случаях, когда залоговая неопределенность затрудняет понимание (ср. *Učení cizím jazykům je těžké* ‘преподавание иностранных языков – сложное дело’ и *Učení se cizím jazykům je těžké* ‘изучение иностранных языков – сложное дело’). В словацком языке выражение возвратности в отглагольном существительном также далеко не всегда обязательно (ср. *Pochválil ho za dobrí učenie* ‘Похвалил его за хорошую учебу’ при *sa dobre učil* ‘хорошо учился’) (Исаченко 1960, 17).

Повторю, что русский язык не имеет морфологических средств для выражения возвратности отглагольных существительных. Существительное типа *купание* соотнесено с глаголами *купать* (*Купание ребенка в ванне*) и *купаться* (*После купания мы пошли на прогулку*). Если учесть, что в русском языке очень часто одно отглагольное существительное связано с обоими видами, а также с возвратным и невозвратным глаголами, то оказывается, что русское отглагольное существительное может совмещать в себе значения четырех глаголов:

распространение

{
распространить
распространять
распространиться
распространяться

В польском языке так же, как в чешском и словацком, отглагольные существительные на *-nie* и *-cie* возможны от глаголов обоих видов: *opisywać, myć* (несовершенный вид) – *opisywanie, mycie* и *opisać, umyć* (совершенный вид) – *opisanie, umycie*. Отглагольные существительные от возвратных глаголов в подавляющем большинстве случаев (исключения из этого правила единичны) сохраняют частицу *się*: *ubierać się – ubieranie się, myć się – mycie się*, ср. рус. *одеваться – одевание, умываться – умывание*. Благодаря этому создается впечатление, что польскому отглагольному существительному свойственны и категория вида, и категория залога. В результате некоторые лингвисты включают отглагольное существительное в число собственно глагольных форм наряду с инфинитивом, причастием и деепричастием, относя его вместе с инфинитивом к категориальной форме субстантивной репрезентации (см., например, Tokarski 1951, 29, 48–49). Однако все же большинство известных полонистов считают отглагольные существительные отдельными, хотя и производными от глагола словами, и рассматривают их в разделе "Словообразование" (ср. Gramatyka 1984, 335–340). Так или иначе в польском языке отглагольные существительные образуются от всех разновидностей глаголов легче, чем в русском и в других славянских языках.

На основании сказанного выше можно прийти к следующим выводам.

1. Не выражая обязательных глагольных категорий вида и залога, отглагольные существительные на *-nie, -cie* не являются в русском языке формами глагола; они не входят в глагольную парадигму, являясь самостоятельными словами.

2. В чешском и словацком языках образование отглагольных существительных на *-ní, -lí; -nie, -tie* возможно от глаголов обоих видов, но регулярного образования существительных с залоговым противопоставлением не наблюдается. В целом ряде случаев отглагольные существительные в чешском и словацком языках не образуются вовсе. Следовательно, с одной стороны, здесь отглагольные существительные характеризуются близостью к парадигматическому формообразованию (категория вида), с другой – отсутствием такового (категория залога).

3. В польском языке, где отглагольные существительные образуются чрезвычайно регулярно от совершенных, несовершенных и возвратных глаголов, их соотношение с глагольной парадигмой еще более сложно.

4. Разница между русским языком, с одной стороны, и чешским, словацким и польским – с другой, состоит также в большей продуктивности и употребительности этих образований в западнославянских языках.

В сербохорватском языке отглагольное существительное образуется почти исключительно от глаголов несовершенного вида: *брати* – *брање*, *читати* – *читање*; в редких случаях возможны существительные от совершенных глаголов: *понижавати* – *понижавање* (при *понижити* – *понижење*), *признавати* – *признавање* (при *признати* – *признање*). Иными словами, отглагольному существительному в сербохорватском языке так же, как в русском, не присуща категория вида, и уже поэтому оно не может быть включено в систему форм глагольного слова.

В болгарском языке есть две разновидности отглагольного существительного: на *-ние* и на *-не*. Последнее (на *-не*) обычно включается грамматиками в парадигму глагола (Грамматика 1983, 372; Андрейчин 1949, 111, примеч. 1; Маслов 1981, 188). Отглагольное существительное на *-не* часто сохраняет беспредложное управление прямым объектом (*прибиране реколтата* ‘сбор урожая’), однако возможно и предложное управление, характерное для существительного, т.е. *прибиране(то) на реколтата*. Все исследователи отмечают, что существительные на *-не* имеют значение чистой глагольности, процессности, и их образование есть живое явление в современном болгарском языке. Абсолютно от всех первичных глаголов несовершенного вида возможно существительное на *-не*, например, *мислене*, *говорене*, *ходене*, *плуване*, *пътуване* и проч. Они свободно образуются также от вторичных имперфективов: *измисля* – *измисляне*, *проговорям* – *проговоряне*, *преглеждам* – *преглеждане*. Подобные существительные производятся и от некоторых глаголов совершенного вида (преимущественно с суффиксами *-ува-*, *-ва-*), например, *преплувам* – *преплуване*, *завоювам* – *завоюване*, *отпътувам* – *отпътуване*. Хотя отглагольные существительные последнего типа считаются, с точки зрения литературной нормы, неправильными, тем не менее они часто употребляются в литературном языке, особенно в газетах (Стоянов 1976). Все это указывает на вхождение отглагольных существительных на *-не* в парадигму глагола, т.е. на наличие в болгарском языке субстантивной формы глагольной репрезентации, представленной данными отглагольными существительными.

Вопросу различия между отглагольными существительными на *-не* и *-ние* посвящена довольно большая литература (см. Георгиева 1976; Стоянов

1976а). Отмечается, что отглагольные существительные на *-ние* передают значение результата действия либо отвлеченного характера (*отношение, вдохновение*), либо наоборот опредмеченного характера (*съчинение, списание*). Некоторые из них утрачивают семантическую связь с глаголом (*растение, одевание*) и сближаются с неглагольными существительными или переходят в другие части речи (*благодарение* на -- предлог). Синтаксически для них характерно управление, отличное от глагольного (*стечение на обстоятельстве, съчинение по теме*). Это не позволяет включить их в парадигму глагола.

В македонском языке существительные на *-ње* также регулярно образуются от всех глаголов несовершенного вида: *вика – викање, бега – бегање, пие – пиење*. Существительное, образованное от переходного глагола, может управлять прямым дополнением без предлога: *Тие појдоа на берење тутун* 'Они отправились собирать табак', но возможно и управление, характерное для существительного: *Берењето на тутун е тешка работа* 'Сбор табака – тяжелая работа'. Б. Конески отмечает, что в народном языке имеется несколько существительных на *-ње* от глаголов совершенного вида: *критење, венчање, Преображење, проштење*; они пришли из церковнославянского (Конески 1954, 182). В литературном языке встречается некоторое количество существительных с суффиксом *-ние* от глаголов совершенного вида, обозначающих абстрактные понятия: *решение, образование, издание*. Одни грамматисты, например Р.П. Усикова, называют македонские отглагольные существительные глагольной формой (Усикова 1985, 109–110), другие, например В.М. Иллич-Свитыч, не включают их в парадигму глагола (Иллич-Свитыч, 1963, 564–565), третьи, например Б. Конески, считают, что отглагольные существительные, с одной стороны, очень близки к глаголу, поскольку они обозначают процесс действия, с другой – проявляют тенденцию к субстантивации, т.е. отрываются от глагола (Конески 1954, 181–187). Иначе говоря, положение отглагольных существительных в македонском языке выглядит достаточно неопределенным.

Таким образом, можно считать доказанным, что в русском и сербохорватском языках отглагольные существительные, не обладая общеобязательными глагольными морфологическими категориями вида и залога, не являются формами глагольного слова. В известной степени сомнительна принадлежность отглагольного существительного к парадигме глагола в чешском и словацком языках. Больше оснований включать в систему глагольного формообразования отглагольные существительные польского языка. В болгарском языке существительные на *-не* скорее являются формами глагола, чем отдельными словами. Существительные же на *-ние*, подобно

русским и сербохорватским отглагольным именным образованиям, должны быть признаны разновидностью существительных, лишь семантически соотносимых с глаголом. Можно предположить, что положение в македонском языке сходно с болгарским. В результате приходится констатировать известные различия между славянскими языками по линии категории репрезентации: в русском и сербохорватском отглагольное существительное определено не входит в парадигму глагола, т.е. не является субстантивной категориальной формой категории репрезентации; в болгарском и македонском (?) один из видов отглагольных существительных (на *-ње*) должен быть признан формой глагольного слова; польский язык также демонстрирует близость отглагольного существительного к парадигме глагола; чешский и словацкий языки находятся в этом отношении между польским и русским.

Итак, грамматическая категория репрезентации в славянских языках осуществляется в противопоставлении личных глагольных форм формам инфинитива, причастия и деепричастия. Все вместе эти формы составляют единую грамматическую парадигму глагола. Они объединяются собственно глагольными грамматическими категориями вида и залога. При этом, однако, распределение сочетаний данных категорий по языкам не одинаково. Например, в болгарском и македонском деепричастие не имеет форм вида; категория залога в деепричастии ни в одном из языков не реализуется полностью; в польском причастии активный залог соединяется в основном с несовершенным видом, а пассив – и с несовершенным, и с совершенным; в сербохорватском языке нет причастий настоящего времени несовершенного вида ни активного, ни пассивного залогов; в македонском самостоятельно употребляются лишь пассивные причастия на *-н/-т* и проч. Наблюдаются также различия в функциональной нагрузке категорий вида и залога в рассматриваемых глагольных формах славянских языков. Но, как показано, по грамматическому статусу эти категориальные формы категории репрезентации в славянских языках весьма близки друг к другу.

ЛИТЕРАТУРА

- АГ–70 – Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
Андрейчин 1944 – *Андрейчин Л.* Основна българска граматика. София, 1944.
Андрейчин 1949 – *Андрейчин Л.* Грамматика болгарского языка. М., 1949.
Андрейчин 1962 – *Андрейчин Л.* К морфологической характеристике видовой системы современного болгарского языка // Вопросы глагольного вида. М., 1962.

- Апресян 1988 – *Апресян Ю.Д.* Языковая аномалия и точки роста новых явлений // Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Тезисы докладов и сообщений. М., 1988.
- Арутюнова 1965 – *Арутюнова Н.Д.* О критерии выделения аналитических форм // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.–Л., 1965.
- Бирюлин, Храковский 1991 – *Бирюлин Л., Храковский В.* Парадигма славянского императива с общетипологических позиций // *Slavica*. 89. Problemy teoretyczno-metodologiczne badań konfrontacyjnych języków słowiańskich. Warszawa, 1991.
- Бирюлин, Храковский 1992 – *Бирюлин Л.А., Храковский В.С.* Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
- Бондарко 1967 – *Бондарко А.В.* К проблематике функционально-семантических категорий // Вопросы языкознания. 1967. № 2.
- Бондарко 1971 – *Бондарко А.В.* Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
- Бондарко 1971а – *Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Бондарко 1976 – *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бондарко 1983 – *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Бондарко 1984 – *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. Л., 1984.
- Бондарко 1985 – *Бондарко А.В.* О таксисе // *Zeitschrift für Slawistik*. 1985. XXX. № 1.
- Бондарко 1987 – *Бондарко А.В.* Введение: Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение: Аспектуальность: Временная локализованность: Таксис. Л., 1987.
- Бондарко 1990 – *Бондарко А.В.* Темпоральность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность: Модальность. Л., 1990.
- Бондарко, Буланин 1967 – *Бондарко А.В., Буланин Л.Л.* Русский глагол. Л., 1967.
- Бунина 1970 – *Бунина И.К.* История глагольных времен в болгарском языке. Времена индикатива. М., 1970.
- Валтер 1989 – *Валтер Х.* По въпроса за наклоненията в съвременния български книжовен език // *Език и литература*. 1989. № 1.
- Венедиктов 1961 – *Венедиктов Г.К.* О морфологических средствах имперфективации в русском языке // Вопросы языкознания, 1961. № 2.
- Вержибicka 1985 – *Вержибicka А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
- Виноградов 1938 – *Виноградов В.В.* Современный русский язык. Вып. II. М., 1938.
- Виноградов 1947 – *Виноградов В.В.* Русский язык. М.–Л., 1947.
- Виноградов 1975 – *Виноградов В.В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
- Володин, Храковский 1985 – *Володин А.П., Храковский В.С.* Парадигма русского императива // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 719, 1985.
- Волоцкая, Молошная, Николаева 1964 – *Волоцкая З.М., Молошная Т.Н., Николаева Т.М.* Опыт описания русского глагола в его письменной форме. М., 1964.
- Гавранек 1962 – *Гавранек Г.* Вид и время глаголов в старославянском языке // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Генадиева-Мутафчиева 1970 – *Генадиева-Мутафчиева З.* Подчинительный союз *da* в съвременния български език. София, 1970.
- Георгиев 1934 – *Георгиев Вл.* Отрицателната заповедь в гръцки, латински, български, стариндийски и инноктивът // Годнишник на Софийския ун-тъ. кн. XXXI. 4. София, 1934.

- Георгиева 1976 – *Георгиева Е.* Към въпроса за семантичната характеристика на отглаголни съществителни в българския книжовен език // Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976.
- Герджиков 1976 – *Герджиков Г.* Българските глаголни времена като система // Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976.
- Герджиков 1984 – *Герджиков Г.* Преизказването на глаголното действие в българския език. София, 1984.
- Граматика 1983 – Граматика на съвременния български книжовен език. Т. II. Морфология. София, 1983.
- Граматика 1953 – Грамматика русского языка. Т.1. М., 1953.
- Демина 1959 – *Демина Е.И.* Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
- Демина 1960 – *Демина Е.И.* Система прошедших времен в новоболгарских текстах XVII–XVIII вв. // Учен. зап. Ин-та славяноведения, Т. XIX, 1960.
- Демина 1973 – *Демина Е.И.* К вопросу о генезисе модальных категорий болгарского индикатива // Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков. Предварительные материалы. М., 1973.
- Демина 1974 – *Демина Е.И.* Место прошедших времен в системе модальных оппозиций болгарского индикатива // Езиковедски изследвания. В памет на проф. Ст. Стойков. София, 1974.
- Демина 1976 – *Демина Е.И.* Опыт диахронического подхода к одному из явлений языковой интерференции на грамматическом уровне // Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte 29/1. Berlin, 1976.
- Демина 1993 – *Демина Е.И.* К проблеме интерференции на грамматическом уровне // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М., 1993.
- Долиннина 1992 – *Долиннина И.Б.* Императивная парадигма: содержательная парадигма и механизм маркирования // Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
- Дьомнина 1970 – *Дьомнина Е.* Към историята на модалните категории на българския глагол // Български език, 1970, № 5.
- Зализняк 1967 – *Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Зенчук 1971 – *Зенчук В.Н.* Отрицательные императивные конструкции в сербохорватском и других славянских языках // Вестник ЛГУ, 1971, № 8.
- Иванова 1969 – *Иванова К.* Остатъци от употребата на глаголи от свършен вид в отрицателна императивна форма // Български език, 1969, № 6.
- Иванчев 1963 – *Иванчев Св.* Видово-надстроечни категории в системата на славянския глагол // Славистични студии. София, 1963.
- Иванчев 1978 – *Иванчев Св.* Приноси в българското и славянското езикознание. София, 1978.
- Иви? 1958 – *Иви? М.* Употреба вида у словенском императиву с негацијом // Славянская филология. II. М., 1958.
- Иви? 1960 – *Иви? М.* Диференцијалне синтактичке особине у словенском језику свету // Годишњак филоз. ф-та у Новом Саду, V, 1960.
- Иллич-Свитыч 1963 – *Иллич-Свитыч В.М.* Краткий грамматический справочник // Македонско-русский словарь. М., 1963.
- Исаченко 1957 – *Исаченко А.В.* К вопросу об императиве в русском языке // Русский язык в школе, 1957, № 6.
- Исаченко 1960 – *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словачским. Морфология. Ч. II. Братислава, 1960.
- Категория 1989 – Категория посессивности в славянских языках. М., 1989.

- Кисева 1931 – *Кисева Н.Ст.* Остатъци от старобългарското сегашно действително причастие в българските народни говори // Известия на семинара по славянска филология при Университета на София, София, кн. VII, 1931.
- Конески 1954 – *Конески Б.* Граматика на македонскиот литературен јазик. Дел. II. Скопје, 1954.
- Кузнецов 1952 – *Кузнецов П.С.* Глагол // Современный русский язык. Морфология. М., 1952.
- Куцаров 1984 – *Куцаров Ив.* Пренказването в българския език. София, 1984.
- Куцаров 1985 – *Куцаров Ив.* Очерк по функционално-семантична граматика на българския език. Пловдив, 1985.
- Куцаров 1990 – *Куцаров Ив.* Конклузивът е четвъртото наклонение на българския глагол // Научни трудове на Пловдивския университет. Филология. Т. 28, кн. 1, 1990.
- Куцаров 1993 – *Куцаров Ив.* Проблеми на българската морфология. Пловдив, 1993.
- Куцаров 1994 – *Куцаров Ив.* Едно екзотично наклонение на българския глагол. София, 1994.
- Мартынов 1982 – *Мартынов В.М.* Категории языка. М., 1982.
- Маслов 1948 – *Маслов Ю.С.* Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз., т. VII. Вып. 4. 1948.
- Маслов 1954 – *Маслов Ю.С.* Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. Вып. I. М., 1954.
- Маслов 1955 – *Маслов Ю.С.* О своеобразии морфологической системы глагольного вида в современном болгарском языке // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1955.
- Маслов 1959 – *Маслов Ю.С.* Глагольный вид в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
- Маслов 1961 – *Маслов Ю.С.* Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961.
- Маслов 1963 – *Маслов Ю.С.* Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международной съезд славистов. М., 1963.
- Маслов 1963а – *Маслов Ю.С.* Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.–Л., 1963.
- Маслов 1964 – *Маслов Ю.С.* Заметки по видовой дефективности // Славянская филология. Л., 1964.
- Маслов 1965 – *Маслов Ю.С.* Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л., 1965.
- Маслов 1978 – *Маслов Ю.С.* К основаниям сопоставительной аспектологии // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. I. Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
- Маслов 1981 – *Маслов Ю.С.* Грамматика болгарского языка. М., 1981.
- Маслов 1984 – *Маслов Ю.С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Межкатегориальные связи 1996 – Межкатегориальные связи в грамматике. СПб., 1996.
- Мельчук 1997 – *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. Т.1. Москва–Вена, 1997.
- Молошная 1966 – *Молошная Т.Н.* О категории вида русского глагола в работах Ю.С. Маслова и А.В. Исаченко // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966.
- Молошная 1966а – *Молошная Т.Н.* О морфологических средствах глагольной имперфективации в русском языке в сопоставлении с болгарским // Структурная типология языков. М., 1966.

- Молошная 1971 – *Молошная Т.Н.* Глаголы perfectiva/imperfectiva tantum в русском и болгарском языках // Фонетика. Фонология. Морфология. М., 1971.
- Молошная 1973 – *Молошная Т.Н.* О видовой парности глаголов в славянских языках // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
- Молошная 1973а – *Молошная Т.Н.* Морфологическая классификация видовых основ русского глагола в сопоставлении с болгарским // Там же.
- Молошная 1987 – *Молошная Т.Н.* Глагольные конструкции со значением обладания и посесивный перфект в славянских языках // Советское славяноведение. 1987. № 4.
- Молошная 1989 – *Молошная Т.Н.* Категория пересказывания болгарского глагола // Советское славяноведение. 1989. № 2.
- Молошная 1990 – *Молошная Т.Н.* К вопросу о так называемых аналитических формах императива в русском языке // Russian Linguistics. v. 14, № 1. 1990.
- Молошная 1990а – *Молошная Т.Н.* Аналитические формы сослагательного наклонения в славянских языках // Вопросы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990.
- Молошная 1991 – *Молошная Т.Н.* Аналитические формы косвенных наклонений в славянских языках // Советское славяноведение. 1991. № 4.
- Молошная 1992 – *Молошная Т.Н.* Об аналитических формах императива в славянских языках // Slavica. 97. Synchronicne badania porównawcze systemów gramatycznych języków słowiańskich. Warszawa. 1992.
- Молошная 1995 – *Молошная Т.Н.* Синтаксические способы выражения косвенных наклонений в современных славянских языках // Иванов Вяч.Вс., Молошная Т.Н., Головачева А.В., Свейникова Т.Н. Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М., 1995. С.60–150.
- Молошная 1995а – *Молошная Т.Н.* Грамматические категории времени и таксиса в современных славянских языках // Иванов Вяч.Вс., Молошная Т.Н., Головачева А.В., Свейникова Т.Н. Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М., 1995. С. 151–172.
- Молошная 1996 – *Молошная Т.Н.* Грамматическая категория глагольной репрезентации в современных славянских языках // Славяноведение. 1996. 4.
- Молошная 1996а – *Молошная Т.Н.* Плюсquamперфект в системе грамматических форм глагола в современных славянских языках // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М., 1996.
- Падучева 1996 – *Падучева Е.В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Пашов 1976 – *Пашов П.* Българските глаголни времена // Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976.
- Пенчев 1967 – *Пенчев Й.* Към въпроса за времената в съвременния български език // Български език. 1967. № 3.
- Пенчев 1985 – *Пенчев Й.* Време, таксис, синтакс // Български език. 1985. № 6.
- Пете 1991 – *Пете И.* Употребление глаголов совершенного вида в болгарских и русских отрицательных побудительных предложениях // Сопоставительно языковедение. 1991. № 2.
- Пешковский 1956 – *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Попов 1976 – *Попов К.* По вопросу за "българския конюнктив" // Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976.
- Попова, Ницолова 1978 – *Попова В., Ницолова Р.* Към въпроса за транспозициите на императива в славянските езици // Славянска филология. Т.15. София, 1978.
- Потебня 1941 – *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т.4. М.–Л., 1941.
- РГ–80, I – Русская грамматика. Т.I. М., 1980.
- РГ–80, II – Русская грамматика. Т.II. М., 1980.

- Смирницкий 1956 – *Смирницкий А.И.* Аналитические формы // Вопросы языкознания, 1956. № 2.
- Смирницкий 1957 – *Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка. М., 1957.
- Смирницкий 1959 – *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. М., 1959.
- Смирнов 1962 – *Смирнов Л.Н.* Значение и употребление форм прошедшего времени в современном словарном литературном языке. Автореферат канд. филол. наук. М., 1962.
- Станкевич 1974 – *Станкевич Э.* Апеллятивные формы (вокатив и императив) в болгарском языке // Езиковедски изследвания. В памет на проф. Ст.Стойков. София, 1974.
- Станков 1965 – *Станков В.* Имперфектът в современния български книжовен език – презенте в миналото // Български език, 1965, № 3.
- Станков 1967 – *Станков В.* Категория на индикатива в съвременния български език // Български език, 1967, № 4.
- Станков 1969 – *Станков В.* Българските глаголни времена. София, 1969.
- Станков 1981 – *Станков В.* Стилистични особености на българския глагол. София, 1981.
- Стеванови? 1974 – *Стеванови? М.* Савремени српскохрватски језик. II. Синтакса. Београд, 1974.
- Стоянов 1976 – *Стоянов Ст.* Неправилна употреба на отглаголно съществително // Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976.
- Стоянов 1976а – *Стоянов Ст.* Отглаголни съществителни с наставка *-не* от свършени глаголи // Там же.
- Усикова 1985 – *Усикова Р.И.* Македонски јазик. Скопје, 1985.
- Храковский 1980 – *Храковский В.С.* Соотношение модальных и временных компонентов высказывания // *Otázky slovanské syntaxe*. IV/2. Brno, 1980.
- Храковский 1988 – *Храковский В.С.* Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление // *Russian Linguistics*. V.12, № 3, 1988.
- Храковский 1990 – *Храковский В.С.* Повелительность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность: Модальность. Л., 1990.
- Храковский, Володин 1986 – *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986.
- Широкова 1965 – *Широкова А.Г.* Основные значения многократных глаголов в чешском языке // Вопросы языкознания, 1965, № 2.
- Широкова 1988 – *Широкова А.Г.* Сопоставительное изучение структурных и функциональных особенностей неполнозначительных частей речи в славянских языках // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология, 1988, № 4.
- Широкова, Васильева, Едличка 1990 – *Широкова А.Г., Васильева В.Ф., Едличка А.* Чешский язык. М., 1990.
- Якобсон 1972 – *Якобсон Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Demina 1978 – *Demina J.* Theoretische Aspekte des Probleme der vergleichenden Sprachuntersuchung // *Linguistische Arbeitsberichte*. 20. Leipzig, 1978.
- Dostál 1954 – *Dostál A.* Studie o vidovém systému v staroslověně. Praha, 1954.
- Gramatyka 1984 – *Gramatyka współczesnego języka polskiego*. Warszawa, 1984.
- Grochowski 1986 – *Grochowski M.* Polskie partykuly. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1986.
- Horák 1964 – *Horák E.* Predminulý čas v slovenčine // *Slovenská reč*. Roč. 29, № 5, 1964.
- Horák 1957 – *Horák G.* K problému predminulého času v slovenčine // *Slovenská reč*. 1957. Roč. № 6, 1957.
- Išačenko 1956 – *Išačenko A.I.* Poznámky k reflexivám v ruštině, slovenčine a češtině // *Československá rusistika*, 1956. 1.

- Jakobson 1957 – *Jakobson R.* Shifters, verbal categories and the Russian verb. Harvard. 1957. [Рус. пер. см.: Якобсон 1972].
- Karcevski 1927 – *Karcevski S.* Systéme de verbe russe. Prague. 1927.
- Karlik 1980 – *Karlik P.* K problematice optativnosti // Otázky slovanské syntaxe. IV/2. Brno. 1980.
- Kopečný 1954 – *Kopečný Fr.* Passivum, reflexivní forma slovesná a reflexivní sloveso // Studie a práce lingvistické. I. Praha. 1954.
- Kopečný 1958 – *Kopečný Fr.* Základy české skladby. Praha. 1958.
- Křižková 1959 – *Křižková H.* K problematice podstatných jmen slovesných v ruštině v porovnání s češtinou // Ruský jazyk, 9. 5. 1959.
- Lehfeldt 1979 – *Lehfeldt W.* Zur Bestimmung der Imperativformen im Russischen // Slavistische Beiträge. Bd. 133. München. 1979.
- Lehfeldt 1981 – *Lehfeldt W.* К определению множества словоформ повелительного наклонения в современном русском литературном языке // Russian Linguistics. 1981. v. 5.
- Lunt 1952 – *Lunt H.* A Grammar of the Macedonian Literary Language. Skopje. 1952.
- Orzechowska 1974 – *Orzechowska H.* Zachodniosłowiańskie opisowe formy zakazu – powiązanie z grupą języków południowosłowiańskich // Езиковедски изследвания. В памет на проф. Ст. Стойков. София, 1974.
- Orzechowska 1977 – *Orzechowska H.* Elementy struktury analitycznej i syntetycznej w systemie czasownika polskiego // Kategorie werbalne w języku polskim i bułgarskim. Materiały na konferencję naukową polsko-bułgarską w Warszawie 23–25. XI. 1977. Warszawa. 1977.
- Puzynina 1971 – *Puzynina J.* Jeden tryb czy dwa tryby? // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. Z. XXIX. F. XXIX. 1971.
- Rieger 1957 – *Rieger J.* O partykulach // Język polski, XXXVII. № 3. 1957.
- Roth 1979 – *Roth J.* Die indirekten Erlebnisformen im Bulgarischen. München. 1979.
- Tokarski 1951 – *Tokarski J.* Czasowniki polskie. Warszawa. 1951.
- Troubezkoy 1975 – N.S. Troubezkoy's Letters and Notes. The Hague–Paris, 1975.

Т.Н. Молошная

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА
В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ**

Монография подготовлена к печати
редакционно-издательским отделом
Института славяноведения РАН

ИД №01574 от 17 апреля 2000 г.

Подписано в печать 10.04.2001 г.
Печ.л. 6 Тираж 150 экз. Заказ № 67.
Цена договорная

Типография ИПТК «Логос» ВОС.129164 Москва, Маломосковская, 8

